

Стенограмма "круглого стола" на тему
«Актуальные вопросы совершенствования уголовно-процессуального
и уголовно-исполнительного законодательства»

23 сентября 2014 года

К.Э. ДОБРЫНИН

Коллеги, добрый день! Я рад всех приветствовать у нас в Совете Федерации. Могу сказать, что это у нас такое второе совместное мероприятие с Федеральной палатой адвокатов. Первое у нас было год назад в Петербурге. Это, уважаемые коллеги, адвокаты нас приглашали к дискуссии, сейчас мы делаем вторую серию, надеемся, что она будет тоже полезная и интересная.

У нас уже такая хорошая практика взаимодействия с коллегами адвокатами. Это будет, конечно, не в укор всем остальным коллегам сказано, но тем не менее если посмотреть историю взаимодействия нашего комитета Совета Федерации и отдельных сенаторов с коллегами адвокатами, то мы работаем в рамках форума юридического в Архангельске, который уже два раза проходил, и там были хорошие такие продуктивные дискуссии, и в рамках этой нашей рабочей группы.

Суть нашего мероприятия, как мы это заявляли год назад и стараемся эту нашу декларацию все-таки воплощать в жизнь, – это, прежде всего, работа с юристами-практиками, с теми людьми, которые, как мы считаем, находятся в юридических окопах и которые эту окопную юридическую правду нам могут донести и помочь ее реализовать в законодательном тексте. То есть фактически мы говорим о практическом наполнении нашего уголовно-процессуального законодательства.

Вот прошедший год показал, что мы готовы совместно думать, совместно работать и предлагать конкретные законодательные вещи. Я чуть подробнее позже об этом остановлюсь.

Основная задача – это все-таки воссоздание уголовно-процессуального законодательства адекватного, когда исчезает такая ситуация, когда у нас Конституция сама по себе с гарантированными правами и свободами, а уголовный процесс, уголовное правоприменение иногда немного отличаются. Я помню, что коллега Новолодский год назад сказал, что есть мнение, что основная проблема вообще в уголовном процессе, эта проблема

заклучается в адвокатах. Я могу сказать, что год прошел и наша работа совместная подтверждает, что проблемы в адвокатах нет, а наоборот есть большая поддержка и взаимовыручка. Поэтому еще раз спасибо большое нашим уважаемым коллегам адвокатам.

Как мы все понимаем притчу во языцах, является то, что основной проблемой уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства России является отсутствие уголовной политики. Да, действительно это так. Но над этой глобальной проблемой у нас работает другая группа наших сенаторов во главе с Алексеем Ивановичем Александровым. Мы же с коллегами Клишасом, который чуть-чуть попозже к нам присоединится, он просит прощения, что опаздывает, решили пойти по другому пути, это так называемая теория малых дел или как мы ее называем устранение процессуальных абсурдов. То есть те безусловные правовые вещи, которые должны быть в законодательстве, либо они есть, но их надо уточнить, но то, что, безусловно, даже при любой принятой уголовной политике будут востребованы и будут находиться в законодательстве, потому что они соответствуют духу права.

Мы стараемся идти по этой теории малых дел. Результаты нашей работы, наверное, все-таки пока скромные за этот год, но в раздаточных материалах есть, мы внесли порядка девяти инициатив об изменении уголовного процесса. Счет пока следующий (это статус): на одну инициативу, которая касается изменений в статью 107 УПК, где мы предлагали, чтобы подозреваемый или обвиняемый пользовался ежедневной прогулкой продолжительностью не менее часа, безусловно, чтобы это не было какой-то дискрецией судьи, мы получили, к сожалению, очень странное отрицательное заключение Правительства. Причем странное оно тем, что в мотивировочной части вроде бы все нормально, а в результативной мы имеем несколько нелогичный, по нашему мнению, вывод. Поэтому мы с этим поработаем и коллегам из Правительства предложим некую новую версию. Но я думаю, что договоримся.

По нашей законодательной инициативе о внесении изменения, которое направлено на то, чтобы предоставить подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, в отношении которого применена мера пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста, права возможности выезда из следственного изолятора или места отбывания домашнего ареста в связи со смертью или тяжелым заболеванием близких родственников, так называемая краткосрочная командировка. На нее мы получили положительный отзыв Правительства, и мы считаем это добрым знаком.

На нашу инициативу, которая касается уведомления родственников о переводе осужденного из одного исправительного учреждения в другое, мы получили такое мнение пока от коллег из Госдумы, они просят уточнить инициативу, там есть некоторые замечания, опять же, в Правительстве, но идет рабочий процесс, то есть мы ее уточним и дальше будем с ними дорабатывать.

И один законопроект, который мы создавали вместе с коллегами из Генпрокуратуры, он касается статьи 106, которая касалась размера залога, когда по преступлениям небольшой и средней тяжести раньше размер залога не должен был быть менее 100 тыс. рублей, то сейчас он стал не менее 50 тыс. рублей, и этот законопроект стал законом. Мы считаем, да, что это хоть такая, может быть, на первый взгляд, казалось бы, незначительная вещь, но тем не менее абсолютно позитивная. И скромный результат, но что-то уже стало законом из нашей работы в течение этого года.

Мы считаем, что останавливаться не надо и что количество потихоньку будет переходить в качество, вода камень точит, мы люди терпеливые. Поэтому основная идея на сегодняшний день, чтобы мы продолжили нашу дискуссию, обсуждали, выявляли (чуть не сказал – пресекали), создавали новые законодательные тексты совместно. И мы, со своей стороны, готовы их предлагать нашим коллегам из Госдумы, надеюсь, что они найдут на них время, а вас просим все-таки поддерживать нас не только в рамках работы вот этой сегодняшней нашей группы, но и на протяжении дискуссии, которая развивается и в обществе, и в стенах Государственной Думы по мере того, как наши законопроекты к нашим коллегам поступают.

Поэтому я еще раз благодарю вас за то, что вы к нам пришли, за то, что вы с нами работаете. Приглашаю всех к свободной дискуссии, но не забывая о регламенте (это касается выступающих), потому что желающих выступить много, то есть не более пяти минут выступление.

Если у кого-то в процессе чьего-то выступления возникают какие-то яркие замечания, просьба мне об этом написать, и мы постараемся, чтобы дискуссия происходила сразу.

А сейчас я предоставляю слово своему сомодератору Резнику Генри Марковичу. Пожалуйста.

Г.М. РЕЗНИК

Дорогие коллеги! Всегда радуемся встрече, которая бывает нечасто.

Объясню, почему я сижу здесь, а не там. Здесь табличка "Резник", но считайте, что здесь Семеняко. Просто должен был быть сомодератором Евгений Васильевич, но он немножко приболел, позвонил мне, позвонил Константину Эдуардовичу и попросил, чтобы я в какой-то степени его заместил. Я полагаю, что наша дискуссия будет очень содержательная.

Маленькая ремарка тому, что сказал Константин Эдуардович. Он говорит, что мы тут занимаемся малыми делами, а вот есть рабочая группа под руководством всеми нами уважаемого сенатора Александрова, она занимается глобальными проблемами.

Можно сказать, я все время вспоминаю, поделился с Константином Эдуардовичем фразой одного выдающегося криминолога, что лучшая социальная политика – это и лучшая уголовная политика. Поэтому в нашей чисто нормативистской, чисто юридической сфере мы, может быть, мало что можем в рамках материального уголовного права, но напакостить можно очень даже прилично.

Поскольку у нас сегодня обсуждение проблем совершенствования уголовно-процессуального закона, я просто вам напоминаю многострадальную историю с принятием УПК. Если вы помните, давным-давно были приняты материально-правовые законы и ГК, и УК, и закон "О ФСБ", и о прокуратуре. И неоднократно менялись, кстати сказать. Все никак не могли принять Уголовно-процессуальный кодекс. А почему? Да потому что здесь именно, в УПК, как раз и заложены те очень важные параметры, которые определяют жизнь материального закона, потому что вообще без процедуры УК – это, представьте себе, листок бумажки. И вот здесь сталкиваются очень мощные интересы ведомств, которые заинтересованы, каждое из них, естественно, полагает, что действует в очень важных государственных целях и наиболее полезны те предложения, которые оно предлагает. Но именно здесь шибко ценностей, которые, увы, не всегда совпадают, которые не всегда находятся в гармонии, потому что вообще мы живем в противоречивом обществе. И вот здесь как раз сталкиваются задачи по безусловному раскрытию преступлений, изобличению виновных, осуждению в действительности лиц, совершивших преступления, и такая ценность, как защита прав и интересов граждан.

И последующие события показали, что УПК, в который уже внесено очень много поправок, но, кстати сказать, между прочим, принципы, на которых основан Уголовно-процессуальный кодекс, в принципе они не очень сильно затронуты, все-таки состязательный процесс. И изменения, которые вносились, они были разнонаправленные. Одни – в сторону

усиления защиты, другие уносились в сторону все-таки облегчения работы, деятельности органов по раскрытию преступлений. Имея в виду этот изначально природо-конфликтный характер, который лежит в основе возбуждения расследования и рассмотрения дел, я полагаю, присутствующим надо иметь в виду.

Итак, мы начинаем. И, таким образом, Константин Эдуардович, поскольку я только Вами введен в качестве сомодератора, рулите.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

Я полагаю, что мы предоставим слово Макарову Владимиру Александровичу, начальнику Правового управления Генеральной прокуратуры.

В.А. МАКАРОВ

Уважаемый Константин Эдуардович, уважаемые коллеги, большое спасибо за приглашение принять участие в сегодняшнем мероприятии! Должен отметить, что за последнее время проблема совершенствования законодательства в сфере уголовно-правовой политики и связанный с ним вопрос совершенствование Уголовно-процессуального кодекса не раз становились предметом обсуждения в Совете Федерации, что лишний раз подчеркивает их актуальность. При достаточном многообразии проблем, требующих обсуждения, со своей стороны с учетом выделенного времени хотел бы остановиться на некоторых вопросах обеспечения законности в уголовном процессе средствами прокурорского надзора.

Практика последних лет настоятельно свидетельствует о необходимости внесения в федеральное законодательство изменений, связанных с укреплением процессуального статуса прокурора, с целью повышения и эффективности надзора за исполнением законов органами предварительного следствия и органами дознания.

Как известно, выделение предварительного следствия из системы прокуратуры, создание Следственного комитета, к сожалению, сопровождалось сужением процессуальных функций и надзорных полномочий прокурора. Спустя три с половиной года в декабре 2010 года некоторые процессуальные полномочия прокурора законодатель восстановил, однако перекосы, возникшие в уголовно-процессуальном законодательстве, в полной мере не устранены.

Между тем, ослабление потенциала прокурорского надзора, сопровождаемое его заменой ведомственным контролем, привело к нарушению баланса процессуальных полномочий следователя, руководителя следственного органа и надзирающего за их

деятельностью прокурора. В результате оказался ослабленным правозащитный механизм в сфере уголовного судопроизводства, заметно возросло количество нарушений прав граждан, в том числе прав на доступ к правосудию и его разумный срок, на свободу и личную неприкосновенность.

Устранение прокурора от руководства следствием, передача его полномочий руководителю следственного органа умножило ведомственную заинтересованность органов предварительного следствия. В результате руководители следственных органов зачастую не спешат устранять даже очевидные промахи, допускаемые их подчиненными. Об этом наглядно свидетельствуют материалы уголовно-правовой статистики.

Так, если доля незаконных и необоснованных постановлений об отказе и возбуждении уголовного дела, отмененных прокурорами, составляет более 30 процентов, тот этот показатель применительно к руководителям следственных органов не превышает 1 процента. В ряду других это обстоятельство свидетельствует о необходимости внесения изменений в УПК, в том числе возвращение прокурору права возбуждать уголовное дело.

В настоящее время прокурор не правомочен возбудить уголовное дело, в том числе, если признаки преступления выявлены им в ходе так называемых общенадзорных проверок. Он может лишь направить материал следователю или дознавателю. Вместе с тем, материалы прокурорских проверок нередко составляют значительный объем, и следователи не всегда в установленный законом срок в состоянии разобраться в них и принять обоснованное и процессуальное решение.

Практика показывает, что во многих случаях органы предварительного следствия не соглашались с выводами прокурора и выносят постановление об отказе и возбуждении уголовного дела. Однако впоследствии эти процессуальные решения признаются необоснованными и отменяются, тем самым страдает оперативность предварительного следствия, а, в конечном счете, качество досудебного производства по уголовным делам.

Исходя из этого, усматривается необходимость во внесении изменений в статьи 37, 146, 148 УПК РФ о праве прокурора возбуждать уголовное дело к материалам прокурорских проверок, в которых содержатся сведения о нарушении уголовного закона.

Требует изменений сложившаяся практика расследования уголовных дел в отношении так называемых спецсубъектов профессиональных участников уголовного судопроизводства. С 2007 года полномочия по возбуждению и расследованию уголовных дел в отношении лиц,

имеющих особый процессуальный статус – следователей, судей, прокуроров, адвокатов, перешли к следователям Следственного комитета Российской Федерации. Однако мы считаем такое решение концептуально ошибочным.

Традиционно как в отечественной правовой системе, так и в зарубежных странах полномочиями по возбуждению и расследованию уголовных дел в отношении лиц с особым процессуальным статусом наделяются именно прокуроры. Наделение таким полномочием следователей нельзя признать обоснованным, ведь они уполномочены расследовать дела в отношении должностных лиц, судей, прокуроров, которые призваны оценивать законность и обоснованность их процессуальных действий и решений, а также в отношении своих процессуальных противников – адвокатов.

Это нарушает баланс в системе процессуальных отношений указанных участников уголовного судопроизводства, создает предпосылки для оказания на них противоправного воздействия.

Следует подчеркнуть, что необходимость наделяния прокурора полномочиями по возбуждению уголовных дел в отношении лиц с особым процессуальным статусом и осуществлением предварительного расследования была поддержана Верховным Судом Российской Федерации. Наделив прокурора правом требовать от органов предварительного расследования, устранения выявленных им нарушений, законодатель не оговорил императивность (обязательность) прокурорских требований, что позволяет руководителям следственных органов уклоняться от их выполнения. В результате прокурор выступает не в роли принципиального представителя государства, а в качестве просителя следствия об устранении выявленных нарушений закона. Подобная беспомощность надзирающего прокурора, который вынужден многократно выносить требование об устранении допущенных нарушений без гарантии надлежащего реагирования на них, крайне отрицательно сказывается на обеспечении прав участников уголовного судопроизводства, в том числе на доступ к правосудию и его разумный срок, на свободу и личную неприкосновенность.

Нуждается в уточнении полномочие прокурора по осуществлению надзора за соблюдением разумных сроков в ходе досудебного судопроизводства. Предоставив прокурору право рассматривать жалобы в связи с несоблюдением разумных сроков и указывать органу, производящему расследование, какие процессуальные действия должны быть выполнены в целях ускорения дела, а также сроки их осуществления (речь идет о статьях 123 и 124 УПК),

законодатель не закрепил эти полномочия в ключевой статье 37 УПК, определяющей основные полномочия прокурора на данной стадии процесса.

Законом не предусмотрено направление прокурору копий решений о продлении процессуальных сроков, что препятствует своевременному выявлению и пресечению нарушений прав участников уголовного процесса на доступ к правосудию в разумный срок. Это при том, что число уголовных дел, расследованных в срок, выше установленного законом, растет, а общее количество зарегистрированных преступлений органами предварительного расследования снижается.

Отсутствие у прокурора возможности противодействовать искусственному затягиванию сроков расследования уголовных дел в последние годы привело к существенному увеличению количества обращений граждан о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. При этом резко возросло число судебных решений о присуждении компенсации, в 2013 году почти в 20 раз, с 70 до 1 300.

Существенным недостатком является отсутствие у прокурора права принимать решение о прекращении уголовного дела при его поступлении с обвинительным заключением, когда отсутствуют основания для возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, а собранные доказательства очевидно свидетельствуют об отсутствии в действиях обвиняемого признаков состава преступления. В связи с этим в целях обеспечения незамедлительного восстановления нарушенных прав граждан представляется необходимым наделить прокурора правом принимать решение о прекращении уголовного дела и уголовного преследования.

Предлагаемое расширение процессуальных полномочий прокурора позволит, на наш взгляд, установить оптимальное соотношение между компетенцией прокурора и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, а в конечном счете повысить эффективность прокурорского надзора за предварительным расследованием, обеспечив пресечение нарушений прав граждан.

Благодарю за внимание.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

Буквально пара ремарок. Действительно такой определенный перекоп в функциях прокуратуры, с точки зрения ослабления их, с одной стороны, конечно, это ...*(неразборчиво)*, с

другой стороны, при всем том смысле прокуратура здесь становится союзником с адвокатурой. Я считаю, что дорогого стоит услышать от Генпрокуратуры о негативных предпосылках процессуального воздействия на адвокатов, которые возникают. И я со своей стороны могу сказать, что мы с Генеральной прокуратурой достаточно плодотворно взаимодействуем, мы вас слышим. Мы готовы те конкретные вещи, которые вы предлагаете, совместно с вами, готовы самостоятельно предлагать в качестве законодательных инициатив. Поэтому еще раз спасибо.

Г.М. РЕЗНИК

Как сомодератору. Нет большей радости для адвоката, когда он соглашается с прокурором и следователем. Все предложения, которые сейчас огласил представитель Генпрокуратуры, лично полностью поддерживаю.

Исходя из некоторых принципиальных соображений, если угодно, из природы статуса прокурора в уголовном процессе, прокурор – хозяин уголовного преследования. Следствие, напоминая, которое у нас сейчас без оснований, кстати сказать, чувствует повышение своей значимости, называется предварительным, оно предваряет судебное разбирательство. И все это делается следователем для прокурора, который бы, ознакомившись с материалами дела, утвердил обвинительное заключение или не утвердил и затем, если он согласен, поддерживал обвинение в стадии судебного разбирательства. Лишение прокурора, как хозяина уголовного преследования, права возбуждать дела и кроме того права прекращать уголовное дело, ведь только прокурор решает, вообще-то, вот эта продукция, которая следствием изготовлена, она съедобна будет в стадии судебного разбирательства или нет, его лишили права прекращать уголовное дело. Это просто не вписывается в статус прокурора, который осуществляет уголовное преследование.

По этой причине сейчас вообще очень интересная ситуация. Дело бесконечно может, собственно говоря, снова от прокурора к следователю, которому он отправляет обратно дело, и обратно от следователя к прокурору. Я полагаю, что эти предложения, которые сейчас озвучил представитель Генеральной прокуратуры, должны быть как можно быстрее быть реализованы.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

Хочу предоставить слово Гнездилову Александру Васильевичу, врио заместителю директора Федеральной службы исполнения наказаний России.

А.В. ГНЕЗДИЛОВ

Уважаемые участники "круглого стола", позвольте остановиться коротко на нормативно-правовом обеспечении деятельности уголовно-исполнительной системы в контексте совершенствования уголовно-исполнительного законодательства.

В целом приоритетным направлением является внедрение в деятельность Федеральной службы исполнения наказаний России форм работы, отвечающих современным требованиям, рекомендациям международных организаций в области соблюдения прав человека, Законопроекты нацелены на дальнейшее улучшение положения подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

За истекший период текущего года принято шесть федеральных законов, в разработке которых принимала участие Федеральная служба исполнения наказаний. Об основных. Это Федеральный закон № 58 от 2 апреля "О внесении изменения в статью 6 Закона Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы", предусматривающий нормативное закрепление полномочий Министерства юстиции России по изменению вида исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Это федеральный закон № 104 от 5 мая текущего года. Он направлен на совершенствование законодательства Российской Федерации в части регулирования отдельных вопросов, связанных с исполнением уголовных наказаний, условно-досрочным освобождением от отбывания наказания, заменой не отбытой части наказания более мягким видом наказания, изменением вида исправительного учреждения.

Устранены пробелы в законодательстве Российской Федерации и условия для необоснованного применения к осужденным, временно переведенным в иные учреждения уголовно-исполнительной системы, в том числе находящимся в других субъектах Российской Федерации, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания, изменением вида исправительного учреждения.

Федеральный закон № 163 от 23 июня, который внес изменения в статью 60 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Сейчас предусмотрено, что обеспечение осужденных к принудительным работам (вы знаете, что они будут осуществлены с января 2017 года, но законы уже проработаны) одеждой, обувью, за исключением одежды и обуви, являющейся средствами индивидуальной защиты, и питанием осуществляется за счет их собственных средств. Установлено, что осужденные к принудительным работам ежемесячно

возмещают из собственных средств расходы исправительных центров на оплату коммунально-бытовых услуг и содержание имущества в пределах фактических затрат, произведенных в данном месяце. Предусматривается, что осужденные к принудительным работам при отсутствии у них собственных средств указанные расходы исправительных центров не возмещают.

Следующий закон 193-й, который внес изменения, направленные на приведение законодательства Российской Федерации в соответствие с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Предусматривается дополнение статьи 18 федерального закона о содержании под стражей подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений частью пятой, устанавливающей порядок предоставления и проведения свидания подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей, с лицами, оказывающими им юридическую помощь в связи с намерением обратиться в Европейский суд по правам человека. Предложенный законопроектом порядок обеспечивает как реализацию прав подозреваемых и обвиняемых на обращение в указанный суд, так и соблюдение целей содержания под стражей.

Разработан ряд законопроектов, которые сейчас направлены и находятся на рассмотрении в Государственной Думе, в частности проект федерального закона "О внесении изменений в статьи 96 и 97 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации"(в части снятия запрета на передвижение без конвоя или сопровождение за пределами исправительных учреждений ВИЧ-инфицированных осужденных). ВИЧ-инфицированные осужденные уравниваются в правах с иными категориями осужденных, в частности предусмотрено снятие запрета на передвижение без конвоя или сопровождение за пределами исправительного учреждения и на выезд за пределы исправительных учреждений ВИЧ-инфицированных осужденных в установленных законом случаях. Вы все прекрасно помните практику, когда они даже содержались в отдельных отрядах, сейчас эти коллизии устранены.

Проект федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (в части совершенствования порядка регистрации и снятия с регистрационного учета по месту жительства граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы или принудительным работам). Установлено, будет производиться без снятия такого гражданина с регистрационного учета по месту жительства.

Проект федерального закона "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации" (по

вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора). Разработан в целях реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 марта текущего года № 5-п.

В законопроекте предлагается расширить установленные пунктом 211 части второй статьи 42 УПК перечень информации об осужденном, которую вправе получать потерпевший в случае удовлетворения судом соответствующего ходатайства. Статья также дополняется положением, устанавливающим порядок заявления потерпевшего ходатайства и его содержание.

Изменения позволят суду, рассматривающему соответствующие вопросы в порядке исполнения приговора, получать актуальную информацию о способе уведомления потерпевшего о предстоящем судебном заседании.

В Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации вносятся тоже соответствующие изменения.

Проект федерального закона "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы" и Федеральный закон "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений".

Вносятся, если коротко... законопроект предусматривает возможность личной встречи осужденных со священнослужителями без ограничения количества. Законопроект направлен на развитие сотрудничества исправительных учреждений с традиционными конфессиями и обеспечение осужденным возможности участия в религиозных обрядах.

Проект федерального закона "О внесении изменений в статью 15 Федерального закона от 10 июня 2008 года № 76 "Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействию лицам, находящимся в местах принудительного содержания" и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации".

Законопроект, регулирующий вопросы осуществления членами общественных наблюдательных комиссий, это актуально и для адвокатского сообщества, кино-, фото-, видеосъемки подозреваемых, обвиняемых, осужденных к лишению свободы, а также позволяющий учитывать мнение членов этих комиссий при рассмотрении материалов на условно-досрочное освобождение осужденного.

Законопроект разработан в целях повышения эффективности деятельности общественных наблюдательных комиссий по осуществлению общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания.

Вот такие основные нормотворческие законы, которые в настоящее время внесены в Государственную Думу. У меня всё.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Александр Васильевич.

Коллеги, действительно второй блок работ достаточно существенный, который мы тоже стараемся держать в фокусе внимания, – это определенная гуманизация уголовно-исполнительного законодательства.

И сейчас мы с коллегой Сидоровой в том числе находимся в финальной стадии разработки законопроекта о реформе института условно-досрочного освобождения. Мы этот законопроект представляли коллегам на юридическом форуме у нас, в Архангельской области. Этот законопроект – это была идея Валентины Ивановны Матвиенко. Я надеюсь, что мы до конца года, в том числе с коллегами из ФСИНа, его все-таки согласуем и внесем, потому что... Основную вещь, которую я хочу сказать, что все-таки гуманизация не ради гуманизации, не в этом дело, просто мы забываем о таком постулате уголовного права, что наказание должно быть минимально достаточным для исправления осужденного. Вот это ключ вообще к пониманию института условно-досрочного освобождения. Человек может ведь исправиться до истечения срока наказания. Но я думаю, что здесь ряд коллег еще будет говорить о каких-то предложениях по уголовно-исполнительной системе, поэтому к этому вопросу мы еще вернемся.

А сейчас я хотел бы предоставить слово Виноградовой Елене Валерьевне. Она есть? Наверное, попозже будет.

Тогда Смирнову Георгию Константиновичу, старшему инспектору Главного оргинспекторского управления Следственного комитета Российской Федерации. Пожалуйста.

Г.К. СМИРНОВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Хотелось бы поблагодарить за приглашение принять участие в столь представительном мероприятии. Тема моя была посвящена немного другому вопросу. Но с учетом вот здесь высказанных определенных предложений, претензий, можно сказать, на основе того, что произошел некий перекося процессуальных функций в уголовном

процессе, что прокурор является хозяином уголовного преследования, хотелось бы все-таки скорректировать свое выступление и сконцентрировать внимание на тех процессуальных формах и на той модели уголовного процесса, которая в настоящее время реализована.

Ведь еще начиная с 2007 года происходила реформа, направленная на повышение объективности уголовного судопроизводства. В чем она заключалась? В том, чтобы последовательно реализовать идею о том, что на любой стадии уголовного судопроизводства, не только на судебной, должен быть определенный публично-правовой субъект, то есть представляющий государство участник, который должен объективно, беспристрастно и независимо следить за законностью. Как это называется – судебный контроль, прокурорский надзор – это не имеет значения. Но основная его функция – объективно, беспристрастно, не будучи связанной определенными ведомственными, процессуальными интересами, следить за законностью уголовного судопроизводства, за законностью тех действий процессуальных, которые совершает лицо, в производстве которого находится уголовное дело. На судебной стадии – это суд.

На досудебной стадии, как раз-таки, смысл реформы в разделении процессуальной функции руководства за следствием и прокурорского надзора... как раз и являлось придание прокурору большей объективности, беспристрастности. В данном случае прокурор может учитывать и учитывает объективно как позицию стороны обвинения, так и позицию стороны защиты. Можно ли в этой ситуации говорить, что прокурор – хозяин обвинения на досудебной стадии уголовного судопроизводства? Я сомневаюсь. Это приведет к тому, что он опять утратит свою независимость, самостоятельность и прокурорский надзор не будет таким беспристрастным и объективным. И, кстати говоря, такое некое процессуальное противоборство в ряде уголовных дел – это как раз и признак того здорового разделения процессуальных функций и обвинения, и защиты, которое произошло. И как следствие, так и прокурор могут в настоящее время независимо представлять свои процессуальные интересы.

Теперь вот здесь высказывалось предложение наделить прокурора правом возбуждать уголовное дело, инициировать уголовное преследование. Но соответствует ли это полномочие процессуальной функции надзора, то есть орган... прокурора, как должностного лица, обязанного следить за законностью. Вряд ли это соответствует, потому что прокурор в данной ситуации должен не инициировать уголовное преследование, а следить именно за законностью инициирования этого уголовного преследования.

Расширение полномочий прокурора в рамках надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, здесь, да, Следственный комитет никогда не выступал против этого направления.

Но надо четко различать, к какой функции относится то или иное полномочие, которым мы хотим наделить прокурора. Относится ли оно, как и ранее, к процессуальному руководству? То есть влияет ли это полномочие на тактику, методику, эффективность выявления и расследования преступлений? Это одно. Это уже полномочия, относящиеся к процессуальному руководству.

Либо это полномочия, направленные на то, чтобы выявить именно нарушения законности, влияющие на права, свободы и законные интересы не публично-правовых участников уголовного процесса. Это не только подозреваемые, но и потерпевшие.

А уж тем более наделять прокурора правом не только возбуждать уголовное дело, но и расследовать в отношении лиц особого правового статуса – это полное пересечение процессуальных функций надзора и уголовного преследования, то есть возврат к старому, к прошлому.

Теперь немного слов о процессуальном статусе Следственного комитета. Зачем надо было создавать Следственный комитет Российской Федерации?

Напомню, что в настоящее время Следственный комитет не входит ни в одну из ветвей государственной власти, не входит в структуру какого-либо органа государственной власти, подчинен непосредственно Президенту. То есть реализуемая Следственным комитетом следственная власть, можно утверждать, что фактически является продолжением президентской власти.

Для чего это нужно было сделать? Для того чтобы бороться с коррупцией в высших эшелонах власти.

Я напомню, что еще в 1713 году Петром I была создана вневедомственная модель предварительного следствия. Первые "майорские" следственные канцелярии, подчиненные непосредственно государю, которые боролись именно с мздоимством, с коррупцией. Коррупция того времени была несопоставима – гораздо выше. Им удалось побороть, им удалось привлечь к уголовной ответственности даже только в первые годы 52 сенатора. И сам Сенат не мог препятствовать работе "майорских" следственных канцелярий.

В 2007 году фактически начался процесс реставрации вневедомственной петровской модели организации предварительного следствия.

В настоящее время предпринимаются попытки, по сути, отойти от этой реформы, сделать следствие... Вместо того, чтобы развивать его в направлении дальнейшего укрепления, как прокурорского надзора, как его функций, так и его полномочий в этой сфере и независимости следствия, следственных полномочий, полномочий по осуществлению предварительного расследования фактически происходит процесс, направленный на расширение полномочий прокурора за счет не свойственных ему уже полномочий по осуществлению уголовного преследования.

Буквально недавно в Государственную Думу внесен проект закона, который предусматривает возможность отнесения деятельности Следственного комитета к предмету общего надзора. К чему это может привести? К тому, что фактически прокурор будет надзирать за непроцессуальной деятельностью следователя. Он сможет прийти в орган предварительного следствия и сказать: "Дайте мне документацию по закупке компьютеров. Почему на рабочем месте в 9 часов следователь находится? Нарушение трудового законодательства. Почему у вас оружие не так лежит?". И если есть возможность, фактически злоупотреблять этими полномочиями и воздействовать на результаты предварительного расследования.

То есть к чему это может привести? К существенному снижению самостоятельности предварительного следствия.

Если посмотреть в пояснительную записку этого законопроекта, то там вообще ни слова не говорится об этом. Говорится, что это фактически направлено на техническое совершенствование полномочий прокурора уже в контексте существующей его функциональной модели. Но одна эта строчка "включение деятельности Следственного комитета в предмет общего надзора" меняет всю концепцию не только, кстати, прокурорского надзора, но и уголовного процесса, наделяя прокурора возможностью внепроцессуального воздействия на следователя.

Я напомним, что еще существует административная ответственность за неисполнение требований прокурора. И фактически руководитель следственно органа, отказавшийся или как-то не так исполнивший требования прокурора в рамках общенадзорного реагирования, может попасть под эту административную ответственность. То есть фактически нивелируется идея создания такого независимого от других ведомств следственного органа.

Г.М. РЕЗНИК

Георгий Константинович, три минуты Вам даем.

Г.К. СМИРНОВ

Завершаю. Я хотел бы напомнить, что есть ряд государственных органов, которые не входят в предмет общего надзора. И не случайно они не входят. Та же Счетная палата, та же Администрация Президента. Именно не входят в силу своего особого конституционно-правового статуса. Мое личное мнение, что и Следственный комитет в силу указанного особого конституционно-правового статуса также не должен входить в предмет общего надзора, потому что тем самым нарушается некая система сдержек и противовесов, элементом которой и фактически является Следственный комитет, расследуя уголовные дела в отношении судей, депутатов и так далее, препятствуя тем самым злоупотреблению и узурпации государственной власти внутри вот этой идеи разделения властей.

Спасибо за внимание.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо, Георгий Константинович. Я уверен, что у коллег уже есть, конечно, ряд вопросов. Я просто буквально несколько ремарок.

Вы присаживайтесь. У нас же дискуссия свободная.

Мне понравилось, как Вы изящно обошли сначала ситуацию с разными видами надзора на определенном этапе, как я понял, судопроизводства. Да? Любопытная трактовка прокурорского надзора, хотя я с ней, конечно, не согласен.

То, что Вы сказали о том, что вот эта реформа, когда определенные полномочия прокуратуры были усечены, она как раз и добавила что ли сейчас этой процессуальной борьбы, и вот это как раз является плюсом. Да, это является плюсом за исключением, наверное, того аспекта, что в борьбе процессуальной должны быть все-таки процессуальные инструментариумы равные. А когда с вами кто-то, так сказать, противоборствует процессуальным мечом, а у вас в ответ просто красивые декларации, конечно, не совсем здесь состязательность в том понимании, в котором она должна быть.

И последнее, с чем я, конечно, категорически не согласен, что, оказывается, у нас произошли втайне от нас изменения в Конституции. И вот этот тезис со следственной властью, ну, давайте все-таки вспомним о том, что у нас есть три власти, даже четыре – исполнительная власть, законодательная, судебная и прокурорский надзор как особый вид власти. То есть

следственной власти у нас нет, у нас, конечно, к исполнительной власти в большей степени относится. Это все-таки давайте отнесем как к некой фигуре речи, которая допустима, естественно, в научной дискуссии, которая у нас сейчас и происходит.

Спасибо.

Может быть, есть какие-то замечания?

Г.М. РЕЗНИК

Георгий Константинович, у меня вообще вопрос к Вам один. Для меня большое удовольствие, когда мы встречаемся, сразу меня тоже тянет в теорию высокую. Немножко это оставим. У меня один вопрос к Вам. Все-таки вы определите статус прокурора в уголовном судопроизводстве. Я буквально записал, что если прокурору дать эти полномочия, кстати сказать, не проведение расследования, здесь я, между прочим, не поддерживаю любое прокурорское расследование. Но, как хозяин уголовного преследования, прокурор соответственно должен принимать меры к тому, чтобы оно началось. Дальше идет следствие. Понятно, на это направлена реформа. А потом, понятно, прокурор оценивает результаты. Так все-таки Вы сказали, что передача этих полномочий превращает прокурора из органа надзора в обвинителя. У меня вопрос к Вам. Все-таки у нас прокурор на предварительном следствии и вообще в уголовном судопроизводстве кто у нас? Он у нас орган обвинения или он у нас все-таки орган надзора? Можете определиться?

Г.К. СМИРНОВ

Вопрос я понял.

Давайте вспомним статью 5, которая определяет понятие уголовного преследования – это процессуальная деятельность, направленная на изобличение лица в совершении преступления. Подходит ли сюда деятельность прокурора на досудебной стадии, не говоря о предании лица суду уже окончательно? Вряд ли она подходит, потому что, во-первых, прокурор не собирает изобличающие доказательства на этом этапе, во-вторых, если предположить, что прокурор как раз вместе со следователем, осуществляя процессуальное руководство, будет это делать, то есть говорить ему о тактике, методике, давать указания, то он фактически утрачивает объективность, самостоятельность. То есть он не может уже осуществлять функцию надзора, то, что было у нас раньше, поэтому реформа была направлена...

И, отвечая на ваш тезис о теории разделения властей...

К.Э. ДОБРЫНИН

Это не тезис, это Конституция.

Г.К. СМЕРНОВ

Я с Вами полностью согласен. В Конституции прописано три власти, но Конституционный Суд, давая конституционно-правовое толкование теории и вообще реализованной в Конституции модели разделения властей, говорил о том, что помимо трех традиционных ветвей власти существует еще так называемая система сдержек и противовесов. Та же прокуратура не относится ни к одной из ветвей власти, хотя в Конституции фактически входит...

И есть ряд таких институтов, которые обеспечивают систему сдержек и противовесов. Вот всем признакам этой системы, которые определены в ряде решений Конституционного Суда, всем этим критериям соответствует Следственный комитет. Не входит ни в одну из ветвей власти, во-первых, во-вторых, осуществляет сдерживание каждой из ветвей власти от злоупотреблений, за узурпацию другой власти.

К.Э. ДОБРЫНИН

Трактовка понятна, давайте будем дальше двигаться.

Г.М. РЕЗНИК

Одна фраза только. Система сдержек и противовесов в уголовном процессе обеспечивает сторона защиты. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

Коллеги, я хотел бы предоставить слово Юрию Михайловичу Новолодскому, вице-президенту Адвокатской палаты Санкт-Петербурга. Юрий Михайлович, пожалуйста.

Ю.М. НОВОЛОДСКИЙ

Большое спасибо за приглашение, тем более что здесь завязалась такая очень интересная дискуссия.

Общеизвестно, что в законодательстве очень легко сделать ошибку. Исправлять ошибки очень сложно. Лучше эти ошибки не допускать. Так вот, все, что произошло с прокуратурой – это трагическое, бессмысленное, построенное на какой-то глупой юриспруденции разделения властей законодательное решение.

Я не из тех, кто заседает в аудитории, я из тех, кто 40 лет заседает в судах. И когда Смирнов Георгий Константинович заявил, что произошло повышение объективности следствия, категорически против. Объективности при бесконтрольности следствия не стало вовсе. Вот это ближе к истине.

Когда представитель Следственного комитета говорил про прокуратуру, он просто на ваших глазах произвел обрезание функций прокурора. "Прокурор", статья 37 УПК: "Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции осуществлять от имени государства уголовное преследование". Вот это главная функция. А та функция, о которой говорит Георгий Константинович (законность и так далее), – это второстепенное, вообще для развитых государств несвойственная функция прокуратуре. Только в СССР, потом в РСФСР была прокуратура, которая еще и надзирала за законностью. Поэтому все опасения, о которых говорит представитель прокуратуры, подтверждаются на практике. Здесь можно вспомнить нашего незабываемого премьера: "Хотим как лучше, получается как всегда".

И сейчас я, собственно говоря, перехожу к своей теме, ради которой я приехал в Москву, ради очередной инициативы Следственного комитета, которая может привести к крайне трагическим последствиям. Через несколько дней в "Адвокатской газете" выйдет моя статья под названием: "Троянский конь объективной истины и беспредель судейского разбирательства".

Почему Троянский конь? Ну, кто же будет возражать против объективной истины? Остановите на улице тысячу людей и все скажут: "Объективная истина, конечно, хорошо. А чем же эти в мантиях занимаются? Мы думали, что они устанавливают там объективную истину". А вот внутри этого коня авторы этого законопроекта хотят возратить обязанность суда заниматься уголовным преследованием, то-то будет замечательно. Причем, как они придумали? Обхохочешься. Идет судебное следствие и вдруг они говорят: "В том случае, когда суд придет к выводу, что доказательств у сторон недостаточно, тогда судья подворачивает рукава мантии и сам начинает собирать эти недостающие доказательства". Настолько эта идея им понравилась, что они перестали думать, а какие же процедуры, как в ходе судебного следствия может получиться сверка мнений прокурора и суда. Что суд поднимет прокурора и скажет: "Что-то мне кажется, что у вас мало доказательств". Тот скажет: "Нет, нет, что вы у меня много". Потому что там сидят присяжные еще вдобавок ко всему. Или, например, обратиться к защите: "Доложите нам, какие у вас есть доказательства". Ну, это полный абсурд.

Доклад о наличие доказательств и их доказательственности осуществляется только в судебных прениях. Это известно всем, не знаю, почему неизвестно Следственному комитету. Если я не прав, назовите, в каких процессуальных формах будет происходить эта сверка. Я категорически заявляю, что объективная истина ищется и сейчас. Процесс сегодняшний построен таким образом, что и прокурор заинтересован в установлении обстоятельств в их максимальном приближении к истине, адвокаты не заинтересованы, потому что это и вообще не их функция. Тогда спрашивается, к чему ведет Следственный комитет и что значит "недостаточность доказательств"? Каких доказательств, если подлежат доказыванию определенные обстоятельства совершения преступлений. Значит, речь идет о недостаточности доказательств обвинений.

Представьте себе такую замечательную картину. Если раньше по нашей Конституции мы состязались две стороны: сторона обвинения и сторона защиты, а теперь мы будем обязаны интеллектуально соперничать с судом. Заявляю, что такое соперничество и такая состязательность безнравственны, поскольку состязание предполагает равноправие сторон как минимум, что, кстати, записано у нас в Конституции. И я был сильно удивлен, как же так, в Конституции записано, что все положения главы второй Конституции не могут изменяться Федеральным Собранием. А законопроект внесен именно в Федеральное Собрание.

Пользуясь случаем я хочу объяснить тем, кто не понимает, что одновременно сосуществование принципа объективной истины, под которой авторы понимают соответствие установленных обстоятельств исследуемого преступления фактическим обстоятельствам, и конституционного принципа презумпции невиновности несовместимы. Они не могут одновременно действовать в реальном процессе. Что такое презумпция невиновности? Когда суд идет, идет, что-то не смогли установить, Конституция ему говорит: "Толкуйте в пользу обвиняемого". Истолковал суд, пошел и второе обстоятельство истолковал, третье. Каждый такой случай делает каверну в этой объективной истины, она становится всего лишь относительной. Нельзя полагать, что эти принципы могут сосуществовать. Равно как и не могут сосуществовать принцип состязательности и принцип установления объективной истины. Только в интерпретации Следственного комитета, что состязаться придется с судом. Причем совершенно беззастенчиво написано о том, что суд, приняв на себя функцию собирания доказательств, должен уже сам вести самостоятельную интеллектуальную деятельность по

обнаружению, закреплению, внедрению в процесс этих доказательств. И дальше предлагается следующий вариант.

Г.М. РЕЗНИК

Юрий Михайлович, три минуты еще.

Ю.М. НОВОЛОДСКИЙ

Да, заканчиваю.

Дальше предлагается такой вариант. А вот если у суда нет возможности собрать недостающие доказательства, он отправляет материалы дела прокурору. У прокурора, как сказал мой оппонент, нет никаких прав собирать доказательства. Может быть, вы бы внесли еще какие-то статьи? Тогда он по аналогии будет передавать следователям со своими указаниям и вторгнется в ту сферу, в которую как раз нельзя допускать, когда идеей расследования будет руководить прокурор.

Поэтому все эти выдумки, нужно их в обязательном порядке пресечь вот с этой объективной истиной. Мы не против объективной истины, и никакой паники не надо. Объективная истина по мере возможности устанавливается в сегодняшних судах. А на самом-то деле важна внутренность "троянского коня". Они хотят переложить с больной головы на здоровую, чтобы суд потом отвечал за все проблемы, которые на самом деле являются проблемами следствия.

И последнее. Почему я употребил слово "беспредел"? Прямо в проекте написано: возвращают дело прокурору, дело возвращается в суд, суд опять не сумел, опять возвращает прокурору, прокуроры опять нашли какие-то доказательства, суд опять их счел недостаточными. Судебное следствие, или расследование судебное, разбирательство, становится беспределным. Вот это и есть истинная цель реформаторов. Поэтому, пользуясь тем, что времени очень мало, чтобы серьезно на эту тему поговорить, но я готов продолжить дискуссию.

Г.М. РЕЗНИК

Юрий Михайлович, спасибо.

Мне, вообще, казалось, что мы отработали давно, Георгий Константинович, по-моему, уже очумели, бодали по этому поводу. Но Юрий Михайлович, конечно, прав, я об этом говорил неоднократно и писал, что в действительности, я Вас не упрекаю, Вы приверженец категории истины. Но, вообще, должен сказать, что вот этот институт отправления дел на доследование –

это атрибут ...*(неразборчиво)* процесса, а не состязательного процесса. А если последовательно отстаивать истину, то она наиболее последовательно проводилась в средневековом процессе. Там было три вердикта, которые выносил суд: виновен, не виновен и оставлен в подозрении. Презумпция невиновности, она как раз, исходя из вот этого господства права, недопущения ситуации, чтобы люди до конца жизни ходили с ярлыком неразоблаченного преступника, она, собственно говоря, предписывает недоказанную виновность и приравнивает к доказанной невиновности. По этой причине мне почему-то кажется, что мы достигли понимания тогда, когда каким-то образом дискутировали.

Вы хотите ответить? Может быть, дадим представителю Следственного комитета минуту?

К.Э. ДОБРЫНИН

Минуту давайте, Георгий Константинович?

Тогда мне минуту тоже.

Г.М. РЕЗНИК

Не надо Вам минуту, Вы уже прогремели сейчас.

Г.К. СМИРНОВ

Во-первых, я хотел бы сказать, что институт объективной истины свойственный был не только древнему процессу, но вся современная романо-германская система уголовного судопроизводства. Возьмите последний УПК Швейцарии, принят буквально четыре года назад, там пронизано этим институтом, Германии и Франции – полностью. Это традиционная романо-германская модель организации состязательного процесса. Скажу почему.

Вот Вы правильно сказали, что состязательный процесс предполагает равноправие сторон, то есть равную борьбу соперников равной весовой категории. Но это свойственно только для чистой состязательности. Для романо-германского процесса, где сильное досудебное производство, кстати говоря, не состязательное, а розыскное преимущественно, процедура подготовки доказательств...

Г.М. РЕЗНИК

Георгий Константинович, вопрос. В тех странах, которые Вы упомянули, есть институт возвращения дел на доследование?

Г.К. СМИРНОВ

Там он по-разному решается. Есть институт судебных поручений, здесь я с Вами согласен, Генри Маркович, что требует доработки.

Есть институт судебных поручений, когда уголовное дело остается в суде, суд дает поручение определенным органам собрать доказательства, представить ему дополнительно. Но суд фактически отвечает за это дело, поэтому ситуация, когда многократно возвращение дел, исключена фактически.

Г.М. РЕЗНИК

Ну и на этом спасибо. Спасибо Вам большое.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

Коллеги, я бы хотел предоставить слово Вавилину Михаилу Владимировичу, помощнику прокурора Республики Татарстан, коллега из региона.

М.В. ВАВИЛИН

Спасибо, Константин Эдуардович.

Добрый день, уважаемые коллеги! И в продолжение затронутой темы хотелось бы отметить, что из философии мы знаем, объективное – существующее вне человека, независимо от его сознания, воли, желания. Тем не менее судебное решение – это продукт мыслительной деятельности человека.

Возможно, когда-нибудь наступит все-таки век электронного правосудия, но и у машин тоже бывают ошибки, как и у человека.

Рабиндранат Тагор говорил, что вода в сосуде прозрачна, а вода в море тёмная. То есть истина, она тоже относительна.

Установление объективной истины – это сложная система норм, многие из которых уже есть в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, в ведомственных нормативных актах. Так, например, в марте был издан совместный приказ Генеральной прокуратуры и других ведомств об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях.

Судебная практика также движется в направлении установления объективной истины.

И в заключение хотелось бы тезисно остановиться на вопросах совершенствования института прокурорского надзора за законностью отказа в возбуждении уголовного дела. Об этом сегодня уже речь была, и говорили об этом.

Тезисно несколько пунктов. Действительно на практике возникают вопросы относительно указаний прокурора и начальнику органа дознания, закрепленных в статье 148, как подлежащих безусловному исполнению или же нет. Нормы, разрешающей этот вопрос, в настоящий момент в УПК нет.

В статье 41 закреплено, что указания прокурора и начальника органа дознания, данные в соответствии с УПК, обязательны для дознавателя. В тот же момент дознаватель имеет право обжаловать указания начальника органа дознания прокурору, а указания прокурора – вышестоящему прокурору.

Второй момент. Вызывают вопросы установление сроков дополнительной проверки. Тоже этот вопрос необходимо более детально регламентировать.

Согласно статье всё той же 148 копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю и прокурору. Однако, исходя из практики, направление прокурору одной лишь копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела является недостаточным. Без проверки собранного по сообщению о преступлении материала невозможно полноценно выяснить вопросы полноты проверки законности и обоснованности принятого процессуального решения. Это тоже требует определенных изменений.

И последний пункт, который предлагается рассмотреть, – это вопрос об определении количества отказов в возбуждении уголовного дела, после которых органы следствия и органы дознания обязаны будут по требованию прокурора возбудить уголовные дела. Это позволит более эффективно реализовать принцип разумного срока.

И в заключение я хочу отметить, что восстановление баланса процессуальных полномочий путем укрепления процессуального статуса прокурора позволит обеспечить законность уголовного процесса на высоком уровне. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Михаил Владимирович.

Маленькая буквально ремарка, то, что касается, Вы сказали, что, возможно, когда-нибудь процесс будет электронный. Я, например, категорически против, я считаю, что процесс

– это ритуал, да? И в самом ритуале заложен глубинный смысл, поэтому я надеюсь, что уголовное судопроизводство и уголовный процесс не будет все-таки электронным.

РЕПЛИКА

Если будет, то пусть автомат будет стоять в Следственном комитете. *(Оживление в зале.)*

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо, спасибо.

Я бы хотел предоставить слово коллеге Управляющему партнеру адвокатской компании "Забейда, Касаткин, Саушкин и партнеры" Забейда Александру Викторовичу. Пожалуйста.

А.В. ЗАБЕЙДА

Спасибо, Константин Эдуардович.

Уважаемые коллеги, маленькая ремарочка. Мне очень понравилась идея (по крайней мере, как я ее услышал, представителя Следственного комитета) о том, что три власти и прокуратура, конечно, должны быть разделены, но инструментом для сдержек и противовеса выступают как раз и другие ведомства, как, например, Следственный комитет, если я правильно, конечно, для себя это понял и услышал.

Я, конечно, открыл для себя УПК в этом плане с неожиданной для себя стороны и, наконец-то, наверное, все встало на свои места.

Я хотел бы вынести на "круглый стол" короткую идею, которую мы обсуждали с коллегами по бюро. Она направлена на защиту прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Эта идея скорее относится к малым делам, так называемым. На мой взгляд, она бы устранила небольшую правовую неопределенность, но которая тем не менее доставляет достаточно много хлопот стороне защиты в уголовном процессе.

Статья 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предоставляет подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, их представителям, защитнику целый ряд процессуальных прав о заявлениях и ходатайствах, направленных на защиту собственных законных интересов при производстве экспертизы. Вместе с тем в случае ознакомления участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении экспертизы уже после ее производства, возможность реализации указанных прав фактически утрачивается. На наш взгляд, это связано с существующей нынешней редакцией статьи 198 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации, в неопределенности относительно времени ознакомления участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении экспертизы. Здесь вопрос в чем? На этапе назначения экспертизы сторона защиты имеет право заявлять в том числе отводы экспертам, имеет право задавать дополнительные вопросы. И в случае если сторона защиты или иные участники знакомятся с постановлением уже непосредственно после того как экспертиза была сделана, то естественно переделывать экспертизу никто не будет, дополнительные вопросы ставить никто не будет.

Указанную правовую неопределенность попытался устранить Верховный Суд Российской Федерации при вынесении постановления Пленума Верховного Суда от 29 декабря 2010 года № 28 "О судебной экспертизе по уголовным делам", в пункте 9 которого указано: "Разъяснить судам, что подозреваемый, обвиняемый и их защитники, а также потерпевшие должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы до ее производства. В том случае если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы, оно должно быть ознакомлено с этим постановлением одновременно с признанием его таковым, о чем составляется соответствующий протокол." Вместе с тем указанные положения постановления Пленума Верховного Суда носят лишь исключительно рекомендательный характер и не являются обязательными и зачастую игнорируются правоприменителями, что влечет за собой нарушение прав граждан участников уголовного судопроизводства.

Поэтому учитывая изложенное, мы предлагаем, просим, наверное, устранить указанную правовую неопределенность, сделать обязательным ознакомление подозреваемого, обвиняемого и их защитников, а также потерпевшего с постановлением о назначении экспертизы до ее производства. И тем самым повысить уровень процессуальной гарантии названных участников уголовного судопроизводства.

Г.М. РЕЗНИК

Александр Викторович, у меня такой вопрос к Вам. Вам известно, что последние изменения предоставляют полномочия проводить экспертизу до возбуждения уголовного дела?

А.В. ЗАБЕЙДА

Да.

Г.М. РЕЗНИК

И кроме того, мы же знаем уловки, которые применяют следователи, тогда когда возможно, когда человек не под стражей, всячески затягивать предъявление обвинения. Поскольку обвиняемого нет, то они назначают экспертизу и уже, собственно говоря, нам остается только... Что нам остается? Вот Ваше предложение, как Вы полагаете, оно эту ситуацию способно каким-то образом все-таки улучшить?

А.В. ЗАБЕЙДА

Что касается вот этой ситуации, мне кажется, сильно оно ее не улучшит. Оно улучшит ситуацию только в том случае, когда дело возбуждается непосредственно, изначально в отношении лица, либо если оно возбуждено в отношении неопределенного круга лиц, тогда уже соответственно в тот момент, когда лицо получает статус.

Г.М. РЕЗНИК

Но дело в том, что если назначается при наличии в деле лица, привлеченного к уголовной ответственности, экспертиза без оповещения, без полномочий задавать вопросы – прямое нарушение действующего УПК.

А.В. ЗАБЕЙДА

Она должна быть признана недопустимым доказательством.

Г.М. РЕЗНИК

Она должна быть признана недопустимым доказательством. Интересно. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое.

Я бы хотел предоставить слово коллеге Подопригоре Дмитрию Александровичу, адвокату Международной коллегии адвокатов "Санкт-Петербург".

Д.А. ПОДОПРИГОРА

Добрый день, уважаемые коллеги! Благодарю Константина Эдуардовича за возможность выступить перед столь интересной, опытной аудиторией.

Я также хотел бы остановиться на одном достаточно коротком вопросе, но, на мой взгляд, весьма важном в практике, в работе любого защитника и не только защитника. Это вопрос замечаний на протокол судебного заседания.

Все мы знаем, что протокол судебного заседания – это один из важнейших документов, который оформляется в ходе судопроизводства на стадии судебного разбирательства. Все мы знаем, что очень сложно адвокату бороться с судом, когда суд считает необходимым отразить

показания лиц, происходящее в процессе таким образом, который ему угоден. И все мы понимаем, что объективно доказать обоснованность замечаний, подаваемых на протокол, достаточно сложно. Вот с этого момента я и хотел начать.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, суд вправе вести аудиозапись судебного заседания. Все мы знаем, что реально эта аудиозапись ведется, но отметки в протоколе судебного заседания практически никогда не имеет. Соответственно, и ссылаться на такую аудиозапись, естественно, мы также не можем.

Неоднократно, в том числе и в предыдущую встречу, Константин Эдуардович это помнит, как судьи, прокуроры поднимали руки, что: "Мы готовы, мы за", а воз и ныне там. Поэтому я предлагаю зайти немного с другой стороны в этом вопросе. А именно с аудиозаписей, которые производит защитник, обвиняемый и иные участники уголовного процесса.

Если мы обратимся к Уголовно-процессуальному кодексу, часть пятая статьи 241 позволяет вести аудиозапись любому участнику уголовного процесса и иным лицам, присутствующим в судебном заседании без специального разрешения суда.

Что можно сделать с этой аудиозаписью? Зададимся этим вопросом. Имеется постановление Пленума Верховного Суда, что в порядке статей 119 и 122 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации защитник, иное лицо может заявить ходатайство о приобщении этой аудиозаписи к протоколу судебного заседания.

Однако что встречаем на практике? Откровенно комические случаи, когда судьи отказывают. Я приведу из своей практики пару примеров.

Один судья в постановлении о рассмотрении замечаний на протокол написал при отказе в удовлетворении таких замечаний, что он не может удостовериться в аутентичности представленной аудиозаписи.

Другой судья позволил себе написать, что адвокат, представляя данную аудиозапись, не указал, каким образом она производилась.

То есть способы, как судья может найти и облечь в постановлении отказ в приобщении данных материалов к протоколу судебного заседания, многочисленны. Я самые яркие привел. Я думаю, что коллеги, которые работают, знают, что и другие варианты возможны.

Поэтому я полагаю необходимым внести в статью 260 УПК Российской Федерации норму, позволяющую адвокату приобщить такую аудиозапись и обязывающую суд приобщить данную аудиозапись, если не будет доказан факт фальсификации данной аудиозаписи. Далее.

Сам вопрос рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания у нас отражен достаточно скупой, надо признать, в Уголовно-процессуальном кодексе. Судья выходит(?) в судебное заседание. Не все, правда, это делают, могу сказать по практике, но тем не менее. Выходит(?) в судебное заседание. Кто в нем участвует? Кроме судьи обычно никого. Соответственно, как защитник может предъявить доказательства того, что его замечания на протокол обоснованы?

Естественно, в первую очередь, вопрос стоит о той аудиозаписи, о которой я говорил.

Другой момент, он достаточно спорный, я понимаю, что это может затянуть рамки судебного разбирательства по уголовному делу, но тем не менее, как один из возможных вариантов, приглашение в данное судебное заседание лиц, достоверность отражения показаний которых оспаривается, потому что только они могут сказать, что действительно они говорили.

Далее. Следующий момент, который хотелось бы уточнить в рамках Уголовно-процессуального кодекса. Протокол судебного заседания зачастую мы получаем уже после того, как вынесен приговор по уголовному делу. К сожалению, эта порочная практика имеет место быть. Мы выходим в прения сторон, не зная, что отражено в протоколе судебного заседания и не можем уже никак на это повлиять до прения сторон. Я полагаю, что в Уголовно-процессуальный кодекс следует внести норму о том, что по ходатайству сторон протокол судебного заседания, его часть, составляется по результатам судебного следствия, чтобы уже на момент выхода к прению сторон все стороны знали, на чем мы можем основываться, выступая в прениях сторон, а на чем нет.

В практике также неоднократно встречается: адвокат проводит позицию защиты по делу, определенным образом ставит вопросы, доказывает ложность показаний свидетеля, обвиняемого, потерпевшего и так далее. И получаем на выходе протокол судебного заседания, где судья, будем называть вещи своими именами, сфальсифицировав протокол судебного заседания, подводит его под тот приговор, который ему необходим и который он вынес.

И последнее, по срокам ознакомления с протоколом судебного заседания и привнесения замечаний на протокол. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации сказано, что срок ознакомления должен составлять не менее 5 суток. Все мы

прекрасно знаем, что бывают процессы очень длительные, в которых протокол судебного заседания настолько велик по своему объему, что за 5 дней просто невозможно с ним ознакомиться. Да, есть норма, позволяющая суду увеличить срок. Это так. Но необходимо все-таки сделать эту норму более объективной. Как вариант, я предложил бы следующий: срок ознакомления с протоколом судебного заседания не может быть менее количества дней судебных заседаний по уголовному делу. Соответственно, если у нас было 20 дней судебного заседания, 20 дней на ознакомление с протоколом судебного заседания.

Г.М. РЕЗНИК

Не лихо ли? Нет?

Д.А. ПОДОПРИГОРА

Может быть, и лихо. Но Генри Маркович, я могу Вам сказать одно, что зачастую бывают судебные заседания по 4, по 5, по 6 часов. Вы прекрасно понимаете, сколько требуется времени для адвоката, чтобы отработать.

Г.М. РЕЗНИК

Не только понимаю, я это знаю. Я практикую пока еще.

Д.А. ПОДОПРИГОРА

Тем более.

Поэтому я полагаю, что это, во всяком случае, объективно. Их было, 20 дней судебного заседания, 20 дней срока на ознакомление. *(Оживление в зале.)* Это тоже возможно. Но вы же знаете, что у нас Уголовно-процессуальный кодекс позволяет протокол составлять по итогам судебного...

С МЕСТА

(Говорит без микрофона, не слышно.) ...о необходимости изменений. Почему в арбитражном процессе протокол судебного заседания, это судебного дня...

Г.М. РЕЗНИК

Игорь, опередили наш вопрос. *(Оживление в зале.)*

С МЕСТА

А не проще ввести обязательную аудиозапись.

К.Э. ДОБРЫНИН

Вот мы как раз сейчас это обсуждаем.

Г.М. РЕЗНИК

Как раз эти вопросы у нас и возникают.

Д.А. ПОДОПРИГОРА

Юрий Михайлович, я с Вами полностью согласен. Но вы прекрасно понимаете, год уже, годы идет этот вопрос, судьи и прокуроры поднимают руки, что мы – "за", закон им не запрещает, а позволят, и ничего не делается.

К.Э. ДОБРЫНИН

Дмитрий Александрович, предложения давайте, к нам в рабочую группу включайтесь и попробуем проработать.

Д.А. ПОДОПРИГОРА

Я предлагаю тот случай, когда, и мы все знаем, такое бывает и в Арбитражном Суде, аудиозапись по техническим причинам не состоялась. Что мы будем делать?

Г.М. РЕЗНИК

Скажите, пожалуйста, у меня такой вопрос к Вам, Дмитрий Александрович. Вот Вы располагаете все-таки сведениями о том, что фальсификация протокола судебных заседаний, не скажу даже массовый, в судах общей юрисдикции имеет распространенный характер?

Д.А. ПОДОПРИГОРА

К сожалению, на своей практике в этом убеждаюсь постоянно.

Г.М. РЕЗНИК

Практика каждого из нас, она ограничена, наш опыт.

РЕПЛИКА

Особенно в Москве.

Г.М. РЕЗНИК

Да, конечно. Неужели фиксировали протокол по делу, по которому ты участвовал? Я не поверю.

РЕПЛИКА

А вот я... *(не слышно)*.

Г.М. РЕЗНИК

В кулуарах.

Так все-таки, Дмитрий Александрович, у нас сформировался такой вопрос, у некоторых участников сегодня наших слушаний. Ведь в арбитражных судах, в вышестоящих судах общей юрисдикции уже ведется аудиозапись. Может быть, все-таки XXI век, пришло время каким-то

образом, Константин Эдуардович, Вы, наверное, зададите вопрос, не знаю, судебный департамент обеспечения судов, может быть, все-таки уже во всех судах можно обеспечить? Что там, положил штучку вот эту, и идет запись.

По-моему, да. По-моему, с таким предложением, мне кажется, вы должны были обратиться.

К.Э. ДОБРЫНИН

Мне тоже кажется, здесь более простая конструкция может быть.

Д.А. ПОДОПРИГОРА

Можно я отвечу? Я с этого и начал, что воз и ныне там. Ничего в этом направлении не делается. Поэтому я предлагаю как вариант, как можно иначе решить этот вопрос. Если это будет сделано, все мы будем только рады. Но иногда есть и практика достаточно странная, если не сказать комическая.

К.Э. ДОБРЫНИН

Хорошо...

Д.А. ПОДОПРИГОРА

Одну секунду. Из своего опыта, если позволите, расскажу одну ситуацию. Ведется аудиозапись в процессе. Подходишь к секретарю: "Почему нет отражения в протоколе судебного заседания?" Ответ: "Это для личных нужд".

Второй момент. Подходит секретарь судебного заседания с большими глазами (заседание 2,5 часа): "Аудиозапись не состоялась, дайте, пожалуйста, свою". Предоставляешь. И потом судья фальсифицирует протокол судебного заседания по моей же представленной аудиозаписи. Понимаете, в чем дело? До этого даже доходит.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

Давайте в рамках рабочей группы попробуем позаниматься вот этой Вашей идеей.

Коллеги, хотел предоставить слово Зинченко Валерию Валерьевичу, старший партнер Юридической компании "Pen&Paper".

Пожалуйста.

Г.М. РЕЗНИК

Маленькая ремарка. Вообще надо помнить, коллеги, ни одна норма не может быть таким образом сформулирована, чтобы абсолютно предотвратить злоупотребление ею.

В.В. ЗИНЧЕНКО

Добрый день, уважаемые коллеги! Спасибо за приглашение и за возможность выступить.

Я постараюсь применить систему сдержек и противовесов и все-таки попытаться поговорить об уголовно-исполнительном реформировании, законодательстве, несмотря на то, что уголовно-процессуальный аспект нашего "круглого стола" был очень интересен.

В последнее время достаточно активную заочную дискуссию в СМИ получил проект закона, подготовленный Министерством юстиции, "О внесении изменений в Федеральный закон "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений". Основные баталии разразились вокруг главы 5, которая называется "Применение физической силы, специальных средств и оружия".

Министерство юстиции со своей стороны утверждает, что они лишь осовременили этот закон, привели, так скажем, букву закона в соответствие с духом времени. Со своей стороны представители правозащитных организаций наоборот заявляют о том, что принятие данного проекта закона прольет (цитирую) "реки крови".

Две диаметрально противоположные позиции по отношению к данному федеральному закону вынуждают юридическое сообщество очень внимательно, крайне осторожно, без эмоций и без юридических и конспирологических домыслов посмотреть, что же все-таки поменялось.

Давайте посмотрим на то, что же в первую очередь тревожит правозащитников. Во-первых, название первой статьи указанной главы. Если раньше было "общие требования к применению физической силы, специальных средств и оружия", то стало "право на применение физической силы, специальных средств и оружия".

По мнению некоторых коллег, замена в тексте формулировки "могут" на "имеют право" применительно к понятию физической силы наделяют сотрудников уголовно-исполнительной системы дополнительными спецправами. Но как адвокат и как юрист с такой позицией согласиться вряд ли смогу, потому что в данном случае законодатель лишь откорректировал не вполне юридическую старую формулировку, заменив ее на более адекватную юридическую, не наделив при этом сотрудников УИС неконституционным спецправом.

Более того, с учетом общего уровня юридической развитости применяющих силу сотрудников уголовно-исполнительной системы могу в большинстве случаев сказать намного весомее, чем имею право. Во-вторых, представители гражданского общества обеспокоены

конкретизацией случаев применения силы. Если в предыдущей редакции федерального закона это было описано довольно лаконично и применение силы было допустимо в том числе путем боевых приемов борьбы для задержания осужденных, пресечения преступлений и административных правонарушений, совершаемых осужденными или иными лицами, если ненасильственным способом не обеспечивается выполнение их законных требований. То теперь нам предлагается конкретика: сила может применяться для пресечения преступлений и нарушений режима содержания, при исполнении обязанностей по конвоированию, для задержания осужденного, заключенного под стражу и для преодоления противодействия законным требованиям сотрудникам уголовно-исполнительной системы.

С одной стороны, можно сказать, что Минюст опять конкретизировал и осовременил старую статью. Но, с другой стороны, и в этом я не могу не согласиться с уважаемыми коллегами-правозащитниками, за конкретизацией последовало расширение толкований в виде применения силы за нарушение режима. И если раньше за нарушение режима де-юре мог последовать выговор, то теперь, используя данную формулировку, сотрудник уголовно-исполнительной системы сможет применить, например, прием джиу-джитсу. В-третьих, применение специальных средств. Как раньше было в редакции закона положение о применении спецсредств в отношении заключенных при их конвоировании и охране, так и осталось в новой редакции закона. Добавилась лишь фраза: "а также при попытке насильственного освобождения осужденных и заключенных под стражу из-под охраны при конвоировании", что, на мой взгляд, вполне обосновано.

В этой же статье добавилась лишь группа оснований для применения спецсредств в случае задержания осужденного, заключенного под стражу, если они могут оказать вооруженное сопротивление, для задержания и возвращения осужденных и заключенных под стражу, совершающих побег из-под стражи или из учреждения, исполняющего наказание, и ряд других пунктов.

Я на самом деле не вижу в этом ничего сверхъестественного и не вижу в изменениях данной нормы предпосылок для усиления насилия на территории исправительных учреждений. Достаточно вспомнить латиноамериканский опыт, и мне кажется, что изменения данной нормы действительно отвечают духу современного времени. Я считаю, что обращать внимание нужно не на это, а на то, что почему-то из проекта закона исчезло понятие "злостность" применительно к неповиновению или сопротивлению сотруднику уголовно-исполнительной

системы, которое в действующей редакции было основанием к применению специальных средств.

Что же касается расширения перечня специальных средств, я считаю, что это тоже достаточно отвечает современному миру, где, кроме резиновой палки, действительно, есть и свето-шумовые гранаты, и электрошокеры. Надо отметить, что, помимо этих изменений, новая редакция этого закона ограничивает применение специальных средств, не допускает нанесения ударов палкой по жизненно важным частям тела, не допускается применение водометов при температуре ниже нуля. И ряд несущественных, но все-таки изменений коснулся и применения огнестрельного оружия. На мой взгляд, самое важное изменение в том, что если раньше этот порядок устанавливался территориальными органами уголовно-исполнительной системы, то в редакции проекта не допускается нахождение оружия на территории уголовно-исполнительной системы, кроме случаев, связанных с пресечением противоправных действий осужденных.

Подводя итог, хотел бы сказать, немножко забежав вперед, и обратиться к Совету Федерации: в случае если данный проект закона все-таки будет внесен в Государственную Думу и пройдет ее именно в этой редакции, то я бы предложил, может быть, тоже создать какую-то рабочую группу для того, чтобы подготовить проект изменений с учетом, безусловно, адекватных предложений коллег-правозащитников и представителей юридического сообщества? Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо, Валерий Валерьевич.

Вы знаете, мы слышали об этом законопроекте, как и все, но он не поступал к нам в комитет на отзыв. Коллеги его не присылали. Я знаю, что он прошел правительственную комиссию. Если я не ошибаюсь, может быть, меня ФСИН поправит, вот из того, что я услышал, у меня такое двойное впечатление пока сложилось. Я могу сказать, что, если идея инициатора законопроекта была в том, чтобы убрать излишнюю дискрецию сотрудников, регламентировав конкретные случаи применения, наверное, в этом есть некая логика. Но это, опять же, из того, что на первый взгляд мне кажется. Да, когда коллеги внесут его в Государственную Думу, естественно, мы, я думаю, что включимся в работу, и в том числе и мнение адвокатского сообщества будет необходимым. Спасибо.

Коллеги, хотел слово предоставить Чангли Александру Игоревичу, адвокату Международной коллегии адвокатов "Санкт-Петербург". Сегодня такое мощное питерское представительство.

А.И. ЧАНГЛИ

Я хотел бы выразить благодарность организаторам за возможность выступить. И, как человек из питерских окопов, хотел бы остановиться на необходимых, с моей точки зрения, точечных изменениях уголовно-процессуального законодательства.

Первое. В УПК предусмотрены две категории. Это подозреваемые и обвиняемые с различным объемом прав, которые предоставляет им закон. Мне представляется, что такое различие излишне. Если мы будем брать Европейскую конвенцию, то с точки зрения статьи 6 Европейской конвенции подозреваемый и обвиняемый являются обвиняемыми. И это отражено в постановлениях Европейского суда по правам человека, в частности по делу Зайченко против Российской Федерации, Шабельника против Украины и других. Поэтому такое различие в правах подозреваемого и обвиняемого, ну, в частности подозреваемый не имеет права на бесплатную помощь защитника, ему не предоставляются постановления о назначении экспертизы, заключения эксперта, он не может снимать копии документов за свой счет, мне представляется излишним. Поэтому считаю необходимым уравнивать в правах обвиняемого и подозреваемого, если вообще имеет смысл сохранять такого субъекта, как подозреваемый, поскольку у ЕСПЧ несколько иной подход.

Есть еще одна проблема – это правоприменение, связанное с применением пункта 13 части 4 статьи 47, которая закрепляет право обвиняемого снимать копии с материалов уголовного дела с помощью технических средств. Несмотря на то, что были неоднократные разъяснения, данные в определениях Конституционного Суда, в практике однозначно следователи, дознаватели трактуют это как право, предусмотренное только после наступления момента ознакомления с материалами дела. Когда ты просишь дать отфотографировать протокол допроса, в котором ты только что принимал участие, или какой-то иной документ, тебе предлагают прочить, ну, если это необходимо переписать его от руки, что само по себе является унижительным в силу своей бессмысленности.

Поэтому предлагается внести изменение в пункт 13 части 4 статьи 47 УПК, изложив его в следующей редакции: "Снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела,

которые предъявлялись либо должны были предъявляться обвиняемому, в том числе с помощью технических средств, на любой стадии уголовного процесса".

Приятно было увидеть, и мы читали это в начале года, что были внесены изменения, связанные с тем заключением специалиста, которое может получать защиту, мы видели все в раздаточном материале в качестве законопроекта, это очень важный момент. Но что хотелось бы здесь отметить, что помимо заключения специалиста представляется необходимым внести изменения в статью 84 УПК РФ, предусмотрев за доказательствами, собранными защитниками, статуса иных документов. Также представляется необходимым внести изменения в часть 1 статьи 86 УПК "Собирание доказательств", добавив защитника в число субъектов, которые могут собирать доказательства. И соответственно установить обязанность лица, производящего предварительное расследование, и суда приобщать собранные защитником в соответствии с частью 3 статьи 86 УПК доказательства к материалам уголовного дела, внося соответствующие изменения в статьи 159 и 271 УПК.

Далее. Представляется необходимым внести изменения в статью 235 Уголовно-процессуального кодекса, которая регламентирует подачу ходатайства об исключении доказательства на этапе предварительного слушания. Как мы знаем, сам институт предварительного слушания как раз направлен на то, чтобы иметь возможность исключить доказательства, которые, по мнению защиты, получены с нарушением закона. К сожалению, на практике, это достаточно, наверное, распространенная ситуация, в исключении доказательств адвокатам, защитникам отказывают по тому основанию, что данные доказательства не были предметом исследований в ходе судебного заседания, ходатайство заявлено соответственно преждевременно. И, таким образом, этот вопрос, для чего, собственно говоря, предварительное слушание и было установлено, этот вопрос на предварительном слушании не рассматривается.

Поэтому представляется необходимым внести в действие статьи 35 УПК изменения, которые обязывали бы суд исследовать в случае заявления (ходатайства) об исключении доказательств эти самые доказательства именно на этапе предварительного слушания.

Далее, что касается исключения доказательств. Обычно этот механизм не всегда работает, поскольку суды опять же говорят нам о том, что вопрос об исключении или неисклужении доказательств будет рассмотрен после удаления суда в совещательную комнату при постановлении приговора. Тем не менее мы вынуждены выступать в прениях, не зная будет ли исключено то или иное доказательство. Поэтому считаю необходимым, что если

ходатайство об исключении доказательств было внесено стороной защиты либо обвинения, то такое ходатайство должно быть рассмотрено судом до окончания судебных прений.

Также представляется необходимым дополнить статью 317.6 УПК РФ (это глава 40.1) "Особый порядок судебного разбирательства при досудебном соглашении о сотрудничестве" частью 5, предусмотрев, что особый порядок проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого не может быть применен в случае возражения потерпевшего против рассмотрения уголовного дела в особом порядке.

И последнее, на чем я хотел остановиться. Для защиты прав адвокатов считаем необходимым внести изменения в пункт 10 части 1 статьи 448 УПК, установив, что решение о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц, принимается председателем Следственного комитета Российской Федерации или его заместителями. Внести в статью 449 УПК изменения, добавив в число указанных в ней субъектов адвокатов.

Г.М. РЕЗНИК

У меня к Вам вопрос будет. У Вас много предложений, я остановлюсь только двух.

Значит, полагаете, что особый порядок не может быть, не может применяться и против этого возражает потерпевший. У меня такой вопрос. Не пришло Вам в голову, а может быть когда прокурор отказывается от обвинения, а потерпевший на нем настаивает. Тоже, соответственно, это не обязывает суд.

Просто речь идет о положении потерпевшего в уголовном процессе, когда рассматриваются вообще не некие частные вопросы, как в гражданском процессе. Здесь все-таки принцип публичности должен как-то торжествовать.

А.И. ЧАНГЛИ

Дело в том, что согласие потерпевшего на особый порядок предусмотрено в главе 40 именно о том самом особом порядке. И не требуется, если особый порядок проводится вследствие заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Но поскольку досудебное соглашение о сотрудничестве, вернее, то право применения, с которым мы постоянно сталкиваемся, в то, во что превратился достаточно нужный институт, в как бы чудовищный, на мой взгляд, механизм досудебного сотрудничества, мне кажется, здесь тоже это тема отдельного разговора, но просто уравнивать положения главы 40 и главы 40.1.

Г.М. РЕЗНИК

И теперь еще один вопрос. Вы предлагаете, я считал, что уже усердие в этом направлении себя исчерпало, наделить протокол опроса адвокатом человека статусом доказательства. И говорите, что надо назвать это "иным документом". Скажите, пожалуйста, как доказательство, какие доказательства оно может заменить. Каким образом? Что это за такой "иной документ", который, наверное, как мне представляется, должен быть приравнен к допросу на предварительном следствии, в судебном заседании. Каким образом? Как это может расцениваться как иной документ?

А.И. ЧАНГЛИ

Я полагаю, что это вполне бы отвечало принципу состязательности сторон, а оценка должна быть дана судом вместе со всеми иными доказательствами по делу.

Г.М. РЕЗНИК

Еще раз. Если адвокат опросил человека, составил протокол, то этого человека в таком случае вообще необязательно допрашивать в качестве свидетеля на предварительном следствии, ну и вызывать на судебное заседание. На основании вот этого иного документа, как Вы называете, соответственно может быть установлен приговор.

А.И. ЧАНГЛИ

Не совсем так, но тем не менее та ситуация, когда законом, нашим профессиональным законом и УПК предусмотрен опрос лица с его согласия, и та ситуация, когда мы сталкиваемся с тем, что при предъявлении подобного опроса в суд нам заявляется о том, что он получен непроцессуальным путем и не может быть приобщен к материалам дела, мне представляется необходимым эту ситуацию исправить.

Г.М. РЕЗНИК

Спасибо Вам большое. Ситуация ясна. Я специально по этому вопросу буду выступать.

А.И. ЧАНГЛИ

Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо, Александр Игоревич.

Кучерова Людмила Валерьевна, партнер Адвокатского бюро "Андрей Городисский и Партнеры". Пожалуйста.

Л.В. КУЧЕРОВА

Добрый день, участники настоящего "круглого стола"! Я хотела бы поднять коротко сейчас тот вопрос, который является проблемным на протяжении всей моей практики и практики других адвокатов, участвующих по защите граждан в уголовных делах, уголовных процессах.

Итак, это применение меры пресечения – содержание под стражей. До настоящего "круглого стола" я успела ознакомиться с тем законопроектом, который сейчас был предложен Константином Эдуардовичем и его группой, относительно обязательности участия защитника в судебном процессе, разрешающем вопрос об избрании меры пресечения, именно заключение под стражу.

Абсолютно согласна данным законопроектом. Действительно в настоящее время нормы УПК позволяют самому лицу, привлеченному к уголовной ответственности, решать вопрос о необходимости участия защитника, если это не связано с его материальным положением, то, в общем-то, этот уголовный процесс, отдельное судебное рассмотрение этого вопроса проводится и в отсутствие адвоката, что, на мой взгляд, недопустимо и действительно правильно аргументировано тем, что сам подозреваемый, обвиняемый может не осознавать последствия неучастия защитника при разрешении данного вопроса в судебном заседании.

Я бы также хотела поднять, уважаемые участники "круглого стола", проблемы срока содержания под стражей. Фактически, конечно, и сами нормы УПК, и постановление Пленума Верховного Суда № 22 от 29 октября 2009 года разрешают многие вопросы. И мы понимаем, что законом установлена исключительность применения данной меры пресечения. Однако статистика и практика наши показывают (и моя, в частности, тоже), что это самая применяемая мера пресечения, и фактически при избрании меры пресечения при том, что следователь решает избрать меру пресечения в виде содержания под стражей, тут как раз происходит абсолютное процессуальное единство между прокурором и следователем. Я не встречала случаев, когда прокурор возражает против применения данной меры пресечения в процессе.

Г.М. РЕЗНИК

Ну, почему? В отношении прокуроров такое было, например.

Л.В. КУЧЕРОВА

Да, не иначе.

И соответственно суд избирает в большинстве случаев, если не в 100 процентах случаев, эту меру пресечения, хотя защитник, как может, представляет доводы в судебном заседании о том, что данная мера пресечения является исключительной.

И в данной конкретной ситуации личность подозреваемого (обвиняемого) позволяет суду избрать иную, не связанную с заключением под стражу, меру пресечения. И прочие меры пресечения, которые я не буду перечислять, но они не менее обеспечивают работу следствия и исключают возможность подозреваемому (обвиняемому) как следствию противостоять, так и скрыться от предварительного следствия и от суда. Однако суды по-прежнему избирают меру пресечения в виде заключения под стражу, а не домашний арест, не залог.

На практике в настоящее время у меня прямо на столе обвинительное заключение просят о защите одного из привлеченных лиц к уголовной ответственности. Дело сложное по длительности его расследования и по самой ситуации. Но хочу сообщить только о том, что срок заключения под стражу (у меня есть номер дела, но не буду его называть) продлен до 23 месяцев согласно справке, представленной следователем. И у фигуранта по этому делу, чью защиту я буду осуществлять в суде, скорее всего, на иждивении трое детей. Он не привлекался ранее к уголовной ответственности, у него высшее образование. Один из детей болен бронхиальной астмой, и гражданин содержится под стражей с ноября 2012 года по настоящее время. Однако следствие по делу закончено, дело направлено в суд, из суда возвращено в прокуратуру и вновь в Следственный департамент МВД России, где проводилось предварительное следствие для исправления ошибок.

А.А. КЛИШАС

Людмила Валерьевна, можно я задам вопрос по ходу, прошу прощения? А Вы постановление пленума прошлого года по этому вопросу не применяете?

Л.В. КУЧЕРОВА

Да, конечно, я о нем забыла упомянуть. Безусловно, применяем, но каким образом применяем? Мы постоянно в судах говорим о тех требованиях, которые в постановлении пленума...

А.А. КЛИШАС

Там же критерии, определено, что...

Л.В. КУЧЕРОВА

Однако действительно они носят... Как суды, они трактуют необязательный характер, и на самом деле продолжается применение не иначе, как мера пресечения в виде заключения под стражу.

А.А. КЛИШАС

Людмила Валерьевна, я Вам хочу сказать, что все, что в этом пленуме написано, по сути дела, родилось здесь, потому что когда Вячеслав Михайлович был здесь, мы с ним это обсуждали, и Валентина Ивановна лично в этом зале в том числе достаточно много времени этому посвятила. И когда был пленум, я выступал на этом пленуме, и прокуратура абсолютно была согласна со всеми этими позициями. Поэтому если кто-то считает, что это не обязательно, Вы такие примеры нам дайте, мы узнаем, обязательно или нет. Этот текст постановления активно с нами отработывался, и Константин Эдуардович участвовал в этом. Я просто не услышал, мне показалось, что Вы только на 2009 год ссылаетесь. Практика должна поменяться сейчас, нет?

Л.В. КУЧЕРОВА

Безусловно. Я имела в виду последний Пленум Верховного Суда, но в общем это ситуацию не меняет. В настоящее время суды так же, как применяли меру пресечения и следственные органы... и суды выносят решения о применении меры пресечения в виде содержание под стражей.

Кроме того, по приведенному мной примеру из уголовного дела следует, что адвокаты не бездействуют. Прошли все возможные стадии обжалования примененной меры пресечения. Дело уголовное закончено. Однако если следственный орган не считает возможным изменить меру пресечения, то данная мера пресечения заселена один раз судом первой инстанции, по настоящее время применяется, и в данной ситуации вышестоящие суды сочли первоначальное решение...

Г.М. РЕЗНИК

Людмила Валерьевна, у меня такой вопрос к Вам. Все, что Вы говорите... мы, конечно, разделяем Ваше возмущение, но если сейчас все адвокаты будут выходить и выступать о жалобном состоянии нашего судопроизводства реального, видимо, мы, наверное, до конца дня не закончим.

Скажите, у меня такой вопрос. Как Вы полагает, может ли формулировка закона, разъяснение пленумов полностью устранить произвол, который творят конкретные исполнители?

Л.В. КУЧЕРОВА

Я полагаю, что по срокам применения меры пресечения необходима конкретика. То есть, безусловно, нормы УПК устанавливают конкретные сроки, однако я привожу пример, когда продление происходит до 24 месяцев. И ничто не препятствует, ни нормы УПК, ни здравый смысл, не может быть, чтобы к этому конкретному... *(Не слышно.)*

Г.М. РЕЗНИК

Произвол есть произвол. Мы вам сочувствуем.

Спасибо Вам большое.

К.Э. ДОБРЫНИН

Людмила Валерьевна, действительно, на самом деле с конкретными примерами, Вы их просто приносите к нам. Но поверьте, здесь все собрались профессионалы, которые с таким сталкиваются. Это обычная работа, в том числе обычная работа адвокатов и правоприменителей.

Л.В. КУЧЕРОВА

Безусловно. Но сейчас хотелось бы поднять эту проблему.

К.Э. ДОБРЫНИН

Давайте предлагать какие-то вещи, которые помогут изменить ситуацию с точки зрения законодательной процедуры.

Л.В. КУЧЕРОВА

Я предлагаю ограничить срок данной нормы до конкретного времени. *(Оживление в зале.)* Но не два года.

А.А. КЛИШАС

Какой срок Вы предлагаете? Какую поправку и куда Вы предлагаете, если говорить конкретно?

Л.В. КУЧЕРОВА

Фактически я полагаю, что нельзя выходить за рамки тех 18 месяцев, которые есть в законодательстве, потому что это чрезвычайно предельно возможный срок.

А.А. КЛИШАС

У нас же скоро доназначать будут в Верховный Суд, в Коллегию по уголовным делам, хорошо, обсудим, значит, заново с коллегией.

Л.В. КУЧЕРОВА

Большая ответственность предлагать конкретный срок. Но чем меньше этот срок, тем меньше, в общем-то... *(Оживление в зале.)*

Г.М. РЕЗНИК

Чем меньше, тем лучше.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

Боев Нина Александровна, адвокат, управляющий партнер Адвокатского бюро "Семеняко, Голубок и Партнеры".

Н.А. БОЕВ

Здравствуйтесь, уважаемые коллеги. Большое спасибо за возможность выступить в такой аудитории. Я изначально, когда готовилась к этому выступлению, мой доклад был немножко в другом формате, сейчас я убедилась в том, что, наверное, это была неправильная идея. Поэтому я его существенно сокращаю.

В первую очередь я хотела сказать, тут буквально несколько слов звучало про концепцию прав человека, я хотела сказать, что можно не разделять мнение о том, что права человека – это священная корова и высшая ценность. Помимо этого, это просто отличный инструмент для реализации, в том числе и справедливого судебного разбирательства, и справедливого предварительного следствия, и соблюдения, так скажем, достижения идеи справедливости на всех стадиях судебного процесса.

Поэтому я хотела обратить внимание только на два момента, которые систематически Европейский суд по правам человека критиковал российский уголовный процесс и процесс исполнения наказаний. Первый момент, как мне кажется, достаточно важный и принципиальный, неоднократно поднималась дискуссия общественная на эту тему, в том числе и связанная с трагическими событиями, это доступ к медицинской помощи как на стадии предварительного заключения, так и на стадии исполнения наказания. И, конечно, можно было бы говорить о том, что хорошо бы было обеспечить заключенным и задержанным прекрасную медицинскую помощь или хотя бы равную со свободными людьми. Но у меня есть конкретное предложение, которое не требует существенных расходов на данное мероприятие. В данном

случае, на мой взгляд, могло бы быть достаточно серьезным шагом навстречу обеспечению заключенных и задержанных медицинской помощью – это доступ к платной медицинской помощи за счет самого заключенного или задержанного. То есть если бы у задержанных и заключенных была бы возможность консультации со своим собственным врачом, с врачом по их выбору, с врачом гражданским, то в данном случае, я думаю, очень многих ситуаций, в том числе негативно сказывающихся на состоянии, на отношении общества...

К.Э. ДОБРЫНИН

Вопрос. Идея понятна. Она отзывается. А Вы продумывали ее с точки зрения, как это может выглядеть с точки зрения изменения законодательства и реализации процедуры?

Н.А. БОЕР

С точки зрения изменения законодательства, это право на доступ врача в учреждения, как на стадии предварительного расследования, так и на стадии исполнения наказания. То есть такой же доступ. То есть медицинская помощь не менее важна человеку, чем юридическая помощь. Адвокат имеет право доступа в любой момент, врач такого права доступа не имеет.

Второй момент. Безусловно, хотелось бы, чтобы законодательством была установлена возможность перевода осужденного, либо задержанного, обязанность перевода в медицинское учреждение. Но это, наверное, труднодостижимо.

Из реальных – возможность через систему ФСИН закупки медицинских препаратов осужденным, поскольку, например, сейчас очень часто лечение в местах заключения и в местах содержания на стадии предварительного расследования невозможно, поскольку просто отсутствуют... Медики есть, нет средств. И заключенный, может быть, и хотел бы за свой счет закупить эти средства, но для этого нет технической возможности. То есть включение медикаментов и медицинских аппаратов в перечень вещей, которые может закупать заключенный.

И второе. Может быть, немного экстремистское предложение, поскольку предыдущая коллега, которая выступала, говорила о заключении под стражу. В текущей ситуации Европейский суд и внутренние общественные органы, осуществляющие общественный контроль, неоднократно отмечали о нецелесообразном и чрезмерном избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Может быть, это слишком, но в идеале хотелось бы, чтобы суд на стадии избрания меры пресечения мог бы проверять обоснованность квалификации, поскольку на сегодняшний день он проверяет только формально возможность

применения меры под заключение под стражу, сроки этих мер в отношении тяжких и особо тяжких преступлений.

Г.М. РЕЗНИК

Это абсолютное нарушение требований, которые предъявляются к избранию меры пресечения. Это просто произвол Почему? Потому что обоснованность подозрения включает в себя наличие доказательств, безусловно, допустимых и относимых.

Единственный дисконт, который здесь делается, требования к достоверности не предъявляются на уровне разумных сомнений, какие необходимы для постановления обвинительного приговора. Но то, что квалификация должна проверяться...

Послушайте, но если, извините, суд видит и адвокат настаивает на том, и видно, что здесь, например, нет вымогательства, а есть самоуправство, если тут нет мошенничества, а есть причинение вреда путем обмана, злоупотреблением доверия. Безусловно, конечно, суд не должен избирать меру пресечения по той норме, которая не обоснована. Это просто-напросто изъяны нашей судебной практики.

Н.А. БОЕР

Возможно, эту практику можно было бы корректировать путем более определенных формулировок в Уголовно-процессуальном кодексе. То есть при возможности допускать такие изъяны.

Г.М. РЕЗНИК

Коллега, извините, что я вмешиваюсь. Знаете, когда это исчезнет? Когда прекратятся заказные дела. Когда, извините меня, суды не разрешают беспристрастно и объективно спор, а выполняют властный заказ, либо деньги прошли. Когда это исчезнет, тогда будет применяться закон в соответствии с его смыслом.

Н.А. БОЕР

Жаль только жить в эту пору прекрасную...

Г.М. РЕЗНИК

Нам с тобой пожить в эту пору прекрасную, наверное, не придется. Посмотри, какая прекрасная молодежь выступает. Я думаю, что не надо им рубить крылья.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо, Нина Александровна.

Н.А. БОЕР

Спасибо большое. Я думаю, что я сказала все, что хотела. Буду только повторяться дальше. Тем более после уважаемых ораторов. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

Коллеги, мы немножко выходим из Регламента. У меня просьба к последним выступающим – немного компактнее по возможности. Хорошо?

Осечкин Владимир Валерьевич, создатель социальной сети Gulagu.net и портала ОНК.РФ, член рабочей группы по формированию Общественных наблюдательной комиссий в Общественной палате Российской Федерации. Пожалуйста.

В.В. ОСЕЧКИН

Уважаемые коллеги, добрый день! В первую очередь, очень хочется поблагодарить сенаторов и организаторов данного "круглого стола" за возможность озвучить и выразить здесь мнение совета координаторов социальной сети Gulagu.net, которая объединяет тысячи неравнодушных и активных граждан России.

Во-первых, хотелось бы озвучить конкретное предложение. Константин Эдуардович, предлагаю, прошу с учетом обсуждения широкого спектра инициатив в сфере уголовно-исполнительной системы создать рабочую группу по защите прав граждан в местах принудительного содержания с включением в нее адвокатов, членов Общественной палаты Российской Федерации, членов региональных ОНК, президентского совета по правам человека, ФСИН, Минюста и координаторов Gulagu.net.

И теперь три вопроса, которые хотелось бы здесь озвучить. Первое. Мы выступаем за необходимость повышения прозрачности судебного процесса и качества документирования и предлагаем поэтапно изменять на сегодняшний день процесс. Первое – внести изменения в статью 259 Уголовно-процессуального кодекса и сократить с трех суток до одного часа время изготовления протокола судебного заседания, потому что мы с вами прекрасно понимаем, как сегодня в большинстве судов обстоит дело. Проходит 2-3 дня, и через три дня секретарь начинает разбирать конкретные свои сокращения и восстанавливать в памяти то, что происходит. То есть фактически можно ли то, что делается через три дня, называть протоколом судебного заседания? Может быть, это гораздо честнее называть воспоминаниями секретаря о судебном заседании? Ведь через три дня можно забыть буквально две буквы, слово "не": видел,

не видел. А на основе этого выносятся обвинительный приговор. И человека могут осудить в том числе и на пожизненное заключение.

Поэтому в данном случае та норма, которая была внесена в Уголовно-процессуальный кодекс, три дня, она обосновывалась тем, что секретарь на пишущей машинке набирал то, что было в суде, в трех-четыре экземплярах всем сторонам. И действительно на это было необходимо давать секретарю суда три дня.

На сегодняшний день все суды обеспечены компьютерами, принтерами. На сегодняшний день нажать кнопки "принт" и напечатать...

К.Э. ДОБРЫНИН

Давайте будем реалистами. Как раз с коллегой Подопригора мы эту тему обсуждали. По-честному это нереально.

В.В. ОСЕЧКИН

За один час?

К.Э. ДОБРЫНИН

Это нереально. То есть идея классная, вообще было бы здорово, чтобы появлялся сразу, мгновенно, но это не получится пока. Поэтому проблема правильная, но путь решения ее в рамках...

В.В. ОСЕЧКИН

Если можно, уважаемые сенаторы, я все-таки выскажу свое мнение. Я считаю, что нажать кнопку "принт" и распечатать, это реально. Это существенным образом на сегодняшний день сократит массово фальсификацию протоколов судебных заседаний, которая происходит. Я еще раз повторю, к нам на горячую линию Gulagu.net приходят тысячи жалоб ежегодно от родственников заключенных и от адвокатов, и от тех людей, которые освобождаются из мест лишения свободы. И все говорят о том, что их осудили не потому, что кто-то даже по телефону судье позвонил, а потому что элементарно сфальсифицирован протокол судебного заседания и там написана неправда.

Первая часть – сократить срок с трех суток до одного-двух часов с тем, чтобы секретарь с судьей не могли фальсифицировать. И второе (на будущее) – задуматься о том, чтобы заменить устаревшие протоколы судебных заседаний на современную автоматическую аудиостенограмму. Это первое предложение.

Второе предложение. Мы считаем, что необходимо перезагружать квалификационные коллегии судей, потому что на сегодняшний день квалификационные коллегии судей, Высшая квалификационная коллегия утверждается Советом Федерации, региональные судейские квалификационные коллегии утверждаются региональными заксобраниями. По закону на сегодняшний день они уже должны состоять на 30 процентов из представителей общественности. Но на сегодняшний день тех людей, которые на самом деле выступают в защиту прав граждан в местах принудительного содержания, президентский совет, Общественную палату, региональные ОНК, обыкновенные правозащитные организации, их сегодня практически нет в квалификационных коллегиях судей. И если мы с вами хотим действительно сделать реальный общественный контроль за судами, в первую очередь необходимо вводить представителей реальной общественности, в том числе судебных журналистов, в квалификационные коллегии судей. И во многом это зависит от позиции Совета Федерации. Это наша вторая инициатива.

И третья, самая важная. Несколько выступлений назад здесь была озвучена тема по законопроекту, который сегодня Минюст и ФСИН подготовили в части применения физической силы и спецсредств по отношению к заключенным. Да, действительно я первым в СМИ назвал этот законопроект кровавым. И я могу обосновать почему.

В первую очередь я призываю сенаторов и все адвокатское сообщество, всех людей, которые сегодня нас здесь слышат, встать против принятия законопроекта в данном виде.

Почему? Объясню. Потому что часть первая статьи 31 данного законопроекта позволит любому сотруднику Федеральной службы исполнения наказания за любое малейшее неповиновение применять физическую силу и спецсредства по отношению к заключенным. Что это значит? Раньше было злостное неповиновение – это угроза побега, это нападение и так далее. Сегодня это просто неповиновение. Идет человек, объявляется проверка. Его шапку по ошибке берет другой заключенный. Человек выходит без шапки на плац. Выходит к нему полковник или майор ФСИН и говорит: "Ну-ка, быстро оденься по форме", а у человека нет этой шапки, он не может исполнить этот приказ. Фактически вот он, факт неповиновения.

Или человек стоит около урны (заключенный), к нему подходит сотрудник и говорит: "Так, здесь накиданы окурки, быстро подними". Но если он даже не курил, а просто стоял рядом, для него поднимать это огромное унижение. Если он откажется выполнять данный

приказ сотрудника, опять неповиновение. И за это в данном виде законопроект позволит применять и физическую силу и спецсредства.

По поводу замечательного моего коллеги, который посчитал, что XXI век и можно применять электрошокеры. На сегодняшний день, если туберкулез диагностируется в Федеральной службе исполнения наказаний, то сердечные заболевания не диагностируются. И если сегодня электрошокеры применять по отношению к заключенным, будет гигантский всплеск повышения смертности в местах принудительного содержания, потому что применять электрошокер к человеку, у которого больное сердце, но на лбу у него об этом не написано, просто антигуманно.

И я еще раз говорю, да, действительно регламентация внесения четкого порядка применения физической силы и спецсредств необходима. Необходимо только: 1) обсудить это на нулевом чтении в Общественной палате Российской Федерации, потому что это прямо влияет на соблюдение конституционного права гражданина, на его жизнь, здоровье и так далее.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

В.В. ОСЕЧКИН

И второе. Я уже заканчиваю. Я просто один пример приведу, буквально одна минута.

Апрель 2012 года, на горячую линию Gulagu.net поступает звонок от матери заключенного, чьего сына забили до смерти в Саратовской колонии № 13, Артем Сотников. Начинаем выяснять, обращаемся в Генеральную прокуратуру, в Следственный комитет и заявляем о том, что на основе тех доказательств, которые собрали наши блогеры-волонтеры, было убийство заключенного.

Генерал, который возглавлял на тот момент Саратовское управление, собирает пресс-конференцию и говорит: "Не было никакого убийства. Я вам ручаюсь. Это раскачивают правозащитники из Москвы на западные гранты. Если будет доказано обратное, я подам в отставку". Это записано видео в Интернете.

Проходит два года. В сентябре вступил в законную силу обвинительный приговор в отношении пятерых сотрудников Саратовской колонии № 13. Они осуждены за убийство заключенного (четвертая 111-ая и третья 286-ая), получили сроки лишения свободы реальные под нашим общественным контролем и под контролем ФСБ от 9 до 12,5 лет лишения свободы. Там не смогли сотрудники ФСИН оказать давление на свидетелей. Слава Богу, добились этого.

Если этот законопроект кровавый, который в ближайшее время будет внесен и в Госдуму и следом, я так полагаю, в Совет Федерации, будет принят в этом виде, те сотрудники, которые сегодня осуждены, и все остальные, которые теперь боятся бить заключенных, у них будут развязаны руки, они выйдут из тюрьмы, потому что в этом никакого криминального состава не будет, потому что они все 10 раз напишут: "Я ему приказал сделать то-то, он не послушался, я к нему применил физическую силу, именно поэтому я его связал сзади на дыбу, и он у меня висел...".

К.Э. ДОБРЫНИН

Понятно.

Г.М. РЕЗНИК

Владимир Валерьевич, скажите, пожалуйста, а генерал подал в отставку?

В.В. ОСЕЧКИН

К сожалению, он сегодня сидит в президиуме и временно исполняет обязанности заместителя директора ФСИН. Именно об этом мы Президенту несколько дней назад написали.

Г.М. РЕЗНИК

Ну, это гуманно.

А.В. ГНЕЗДИЛОВ

Да нет. Уважаемые товарищи, совершенно не так, как преподносит Владимир Валерьевич, была ситуация.

Да, я был начальником управления в то время. Если уж отвлечься на...

К.Э. ДОБРЫНИН

Давайте немножко отвлечемся, раз уж это произошло.

А.В. ГНЕЗДИЛОВ

Поступила информация. Да, собрал пресс-конференцию и сказал, что предварительное следствие, суд поставит все точки над "i".

К.Э. ДОБРЫНИН

Что по факту произошло.

А.В. ГНЕЗДИЛОВ

Да, потому что произошло и докладывают на первоначальном этапе вот это, вот это, вот это. Это по горячей линии.

О том, что я говорил, и Вы говорите, что есть запись о том, что я там подам в отставку, такого совершенно не было. Я сказал о другом, что надо мной есть руководство, есть Верховный Главнокомандующий, который принимает решение, и если оно будет принято, я достаточно уже послужил, Вы помните эти слова, наверно, да, то тогда вопрос будет решаться. И всё.

И что Вы с этой трибуны начинаете...

В.В. ОСЕЧКИН

Александр Васильевич, сегодня на Gulagu.net повторно опубликую видео, на котором Вы обещали журналистам в случае установления вины подать в отставку. *(Шум в зале.)*

К.Э. ДОБРЫНИН

Владимир Валерьевич, давайте...

Г.М. РЕЗНИК

Брейк, брейк, брейк, брейк – всё. Брейк. Спасибо большое.

В.В. ОСЕЧКИН

Последняя ремарка...

К.Э. ДОБРЫНИН

Давайте все-таки я ремарку скажу. То, что касается этого законопроекта, который еще даже не поступил в парламент. Я же сказал, когда Валерий Валерьевич как раз о нем докладывал, что мы его будем очень внимательно смотреть, оценивать, и в том числе, если мы сочтем нужным, вносить какие-то изменения.

В.В. ОСЕЧКИН

Спасибо большое.

К.Э. ДОБРЫНИН

Поэтому нет смысла повторяться просто об этом.

В.В. ОСЕЧКИН

Уважаемые коллеги, спасибо за внимание.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо.

А.А. КЛИШАС

Да, и еще один момент я просто тоже хотел прокомментировать. Вот смотрите, я согласен, что нужно в ККС менять состав, обновлять, правда. Мы объявляли уже дважды, по-

моему, за последний год, по-моему, дважды конкурс на замещение должностей в Совете Федерации. Мы же публично его объявляем.

Вы знаете, буквально последний раз я искал по ряду вузов (правду говорю, искренне совершенно), по ряду вузов, где я просто знаю кафедры профессоров, которых знаю лично, чтобы я мог... Я говорю: "Слушайте, подайте документы", никто вообще не подает. Подайте документы на ККС. Там у нас была ситуация, когда там очень специфические граждане пытались в ККС пробиться, и мы этому так жестко поставили отпор, потому что они такие же общественники и юристы, как, извините, там есть некоторые деятели, которые в ККС пытаются всё проникнуть со своими целями. Но действительно профессора... подавайте документы, пожалуйста.

Мы, кстати, сейчас осенью снова объявим, там несколько вакансий будет, просто заканчиваются полномочия у людей. Я, пожалуйста, поддерживаю Вас. Только присылайте действительно... Не надо журналистов присылать. ККС – это не то место, где журналисты должны выступать. Пусть, пожалуйста, есть же среди правозащитников известные юристы, профессора права, то есть люди, которые действительно в этой профессии уважаемые, потому что, посмотрите, там все от судей, представители Президента. То есть нужно, чтобы вес как бы был существенный того, что они говорят, не красиво и эффектно, а весомо. Поэтому, пожалуйста, подавайте. Мы это рассмотрим этих кандидатов, они представители общественности, мы, правда, назначаем, ни с кем не согласовываем это. Реально как бы мы это решаем, и пленарка соглашается, потому что через наш комитет проходит.

Г.М. РЕЗНИК

Андрей Александрович, профессоров не должны представлять высшие учебные заведения, их должны представлять общественные организации, потому что высшие учебные заведения, простите, они не относятся как раз...

А.А. КЛИШАС

Я согласен, но практика такая сложилась, что высшие учебные заведения часто, когда они являются инициаторами, не присылают все данные биографические. Правда, это не очень красиво. Согласен абсолютно.

Г.М. РЕЗНИК

Это просто прямое противоречие закону.

А.А. КЛИШАС

Да, я согласен, что общественные организации именно должны представлять, именно общественные организации. Но сейчас же то же самое в Общественной палате, там же поменялся и состав как бы, и председатель поменялся, такой активный достаточно молодой человек, мы с ним встречаемся регулярно сейчас. Он пытается как-то перестроить работу, ну, пусть Общественная палата поактивнее как-то...

Г.М. РЕЗНИК

Я когда-то вносил предложение, что представители общественности в квалификационных коллегиях судей должны формировать общественные палаты, потому что тогда, когда эта норма была принята, я ее поддержал, кстати сказать, тогда еще не было общественных палат, и поэтому резонно было формировать представителей общественности (они же так называются представители общественности) через законодательную (представительную) ветвь государственной власти. Но сейчас-то общественные палаты есть, сам Бог велит им.

А.А. КЛИШАС

Хотя бы выдвигать кандидатуры, мы же сейчас поменяли закон, когда об общественной палате меняли, мы де-факто как бы заставили все субъекты создать эти общественные палаты за счет того, что дали эту квоту федеральной Общественной палате. Ну, можно как бы активнее с этой стороны двигаться, и они появятся. Но, знаете, я не должен бегать и искать представителей в Общественную палату, просто исходя из того, что я там человека 20 лет знаю, понимаю, что он порядочный, и мне не будет там за него стыдно, если Совет Федерации его назначит на соответствующую должность.

Г.М. РЕЗНИК

Андрей Александрович, мысль о том, что заставить Вас бегать, не может прийти в голову просто никому из правозащитников даже. *(Смех в зале.)*

К.Э. ДОБРЫНИН

Коллеги, последний выступающий Борис Яковлевич Гаврилов, завкафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел России.

Борис Яковлевич, у меня просто просьба. Постарайтесь, в 3 минуты.

Г.М. РЕЗНИК

В 5 минут можно. Профессор... 5 минут.

К.Э. ДОБРЫНИН

Ну, в 3-5 минут, не больше.

Б.Я. ГАВРИЛОВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Я хотел бы поблагодарить организаторам за предоставленную возможность сегодня выступить. Наши материалы частично уже вошли в ту аналитическую справку, по крайней мере, ряд предложений, которые есть у вас. И, кроме того, эти предложения мы также направили "круглому столу", вероятно, с надеждой, что они тоже будут частично опубликованы.

Но тем не менее на нескольких проблемах я бы хотел остановиться, хотя в этот короткий промежуток что-то трудно сказать.

Первый вопрос, конечно, связан с процессуальными сроками расследования. Об этом сегодня много говорилось. Но я хочу сказать с точки зрения прикладной, то есть досудебного производства. Установленной статьей 162 действующего УПК двухмесячный срок предварительного расследования, извините меня, – это анахронизм, это 1922 год, когда мы принимали первый УПК. Но сегодня уголовные дела, значительное количество по крайней мере многократно сложнее. Это один момент.

Ну, зачем мы тогда принимали статью 6¹ о разумном сроке уголовного судопроизводства, которая допускает по совместному решению двух наших бывших судебных инстанций по крайней мере в четыре года? Европейский суд об этом говорит. Нет, вот этот анахронизм, он пусть сохраняется.

Еще более острая ситуация с первоначальным сроком содержания под стражей. Он тоже два месяца установлен. И опять не бог весть когда. Но ведь сегодня по крайней мере от 10 до 30 дней из этих двух месяцев принадлежит прокурору, который принимает решение по поступившему к нему уголовному делу, и 14 дней еще практически сегодня отданы суду. Следовательно, остается 16 суток. Что же за 16 суток он может сделать? Только вынести, обратиться с соответствующим ходатайством в суд о продлении этого срока содержания обвиняемого под стражей.

Об этом, кстати, Александр Николаевич Савенков здесь говорил 24 июня. Эти вопросы, я думаю, должны решаться. А это ведет в первую очередь к тому, что сегодня у нас по каждому второму уголовному делу сроки содержания под стражей продлеваются. Это серьезные весьма

затраты с точки зрения экономической составляющей следствия, над которой мы в советские времена никогда не задумывались, но сегодня вынуждены к этому возвращаться.

Вторая проблема опять связана с заключением лиц под стражу. Я еще раз просто хотел бы обратить внимание уважаемых коллег: у нас 150 тысяч сегодня находятся официально в бегах. Это лица, которые скрылись и объявлены в федеральный розыск. И неизвестно, кто из них что-то совершит. Но у нас сегодня отсутствует в российском уголовно-процессуальном законодательстве механизм заключения таких лиц под стражу с гарантией их прав быть доставленными в установленный срок в суде. Хотя такой механизм во всех цивилизованных странах действует, в той же Германии, во Франции. Такой законопроект есть. Мы его предлагали. И хотели бы к нему вернуться.

Сегодня уже наш коллега выступал Александр Игоревич и говорил о проблеме, связанной с понятием подозреваемого и обвиняемого. Опять анахронизм нашего УПК. Давайте обратимся к европейским положениям процессуального законодательства и к нашим нормам. Подозреваемый – это уже все, фактически человек, в отношении которого мы возбуждаем уголовное дело, мы указываем, что он совершил умышленное убийство или что-то другое при таких-то обстоятельствах, в такое-то время. Что мы делаем? Мы официально со стороны государства объявляем, по сути, в чем он обвиняется, и начинаем уголовное преследование.

Следующий момент. Это, кстати, исходит из уже названных решений Европейского суда. И решения Европейского суда более ранние о других гражданах, той же Бельгии, той же Германии и так далее.

Сегодня уже была определенная дискуссия. Я бы хотел только ее обозначить. Это связано со стадией возбуждения уголовного дела. Тоже анахронизм наш, который к нам пришел, к сожалению, много лет тому назад. Цифры, они тоже в аналитической справке есть, но я хочу повторить. Если 20 лет назад мы принимали процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении 1,3 миллиона обращений граждан, то в прошлом году мы приняли в отношении 6,7 миллиона. То есть хотим или не хотим, но 5,5 миллиона обращений граждан пошло сегодня, по сути дела, куда – в мусорную корзину. И мы этим самым не просто выбросили в мусорную корзину, мы ограничили право этих граждан на правосудие. Об этом сегодня говорилось. Я хочу подтвердить. До 40 процентов, ну, там разные цифры, ежегодно колеблются, но до 40 процентов таких решений прокурорами признается

незаконными, необоснованными, меняются абсолютно. Это правильно. И здесь, естественно, надо, конечно, принимать более радикальные, на мой взгляд, меры.

Но эта норма еще связана с одним. Сегодня посмотрите судебную практику. Буквально свежее решение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда по одному из уголовных дел. В постановлении о возбуждении уголовного дела по квалифицированному виду преступлений о совершении преступления группой лиц было указано одно лицо.

В ходе предварительного расследования второму лицу также было предъявлено обвинение. Суд первой инстанции принял решение, вынес обвинительный приговор. А судебная коллегия по уголовным делам вернула, слава богу, не оправдала, но вернула это дело прокурору, а по сути, для дополнительного расследования для возбуждения уголовного дела в отношении второго фигуранта. Ну, я, человек, который проработал более 30 лет в следствии, мне это сложно понять. Никакие никто права второго лица не нарушал. Он также был и подозреваемым, он также был обвиняемым. И все права были его соблюдены.

И буквально еще один момент, связанный с дискуссией, которая развернулась, не могу не отметить, связанная с дискуссией, я называю, о дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа. Это более мягкое название. Это закон 2007 года № 87.

Уважаемые коллеги, мы можем долго критиковать этот закон. Но давайте посмотрим на результаты. Буквально только две цифры. Количество реабилитированных, оправданных, реабилитированных судами по делам следователей тогда прокуратуры, сегодня Следственного комитета, сократилось не на два процента, не на три, а всего лишь на всего более, чем в три раза. Если было 18 осужденных, подсудимых на тысячу лиц по направленным в суд делам, то в прошлом году только всего шесть.

Второй момент связан непосредственно с качеством следствия. Количество уголовных дел, которые сегодня возвращают судом прокурору, сократилось ни много ни мало, а в восемь раз. Это о чем говорит? На мой взгляд, это говорит о том, что сегодня надзорная функция прокурора в связи с тем, что действительно дифференцировали часть его полномочий по руководству предварительным следствием и ...*(непонятно)*, сегодня стала более объективной. У прокурора появилась реальная возможность надзирать. Это тоже на цифрах все достаточно наглядно видно. Ну и здесь тоже надо ведь как бы и к нашим метрам науки обратиться. Еще Михаил Соломонович Строгович говорил об этом, что невозможно в одном лице сосчитать

функции процессуального руководства и процессуального надзора. И об этом, кстати, Юрий Яковлевич Чайка докладывал Президенту в 2006 году и сказал, что мы решим эту проблему путем выделения двух прокуроров: один будет осуществлять процессуальное руководство за следствием, второй надзирать. Ну, даже приказ Генерального прокурора не появился, поскольку проблему решить действительно нельзя.

Хотя здесь абсолютно тоже я согласен и с коллегой из Генеральной прокуратуры, здесь тоже далеко не все однозначно. И, наверное, именно с точки зрения дифференциации здесь есть, над чем подумать.

Спасибо, коллеги, за внимание.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Борис Яковлевич.

Генри Маркович, тогда Вам слово.

Г.М. РЕЗНИК

В завершении некоторые соображения. Хочу начать с выражения признательности Совету Федерации, лично присутствующим здесь сенаторам за те законопроекты, которые подготовлены и соответственно которые могли посмотреть все присутствующие, и те, которые уже внесены, и те, которые еще не внесены. И не надо, Константин Эдуардович, самоуничижение паче гордыни.

Я в самом начале сделал акцент. Главный нерв, если угодно, контрапункт обеспечения прав человека заложен в процедуре уголовного процесса. И то, что называется, его называли так, вот мы решили, малыми делами, мелочами, это имеет как раз определяющее значение, что есть абсолютно конструкция оптимальная уголовно-процессуальных норм.

Ну и от имени адвокатского сообщества, поскольку я здесь заменяю президента, я – вице-президент, и в широком плане, может быть, и от имени гражданского общества, поскольку адвокатура – единственный институт гражданского общества, который закреплен в наших нормах. То есть дискуссии по поводу того, есть ли гражданское общество. А вот по поводу института гражданского общества, тут дискуссий быть не может, поскольку в законе написано федеральном.

Итак, я хочу обратить вот на что внимание. Понимаете, коллеги, иногда мы, понятно, будем реалистами, требуем невозможного. Но не надо буквально понимать все тексты уголовно-процессуального закона.

Ну, к примеру, написано: когда адвокат, защитник вступает в дело с момента возбуждения дела против конкретного лица, с момента задержания, с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, коллеги, ну, мы же не можем буквально это понимать, что с самого момента. Понятно, что адвоката там нет в этот момент. Понимаете, и не надо понимать буквально, что адвокат (там написано) собирает доказательства.

В данном отношении то предложение, которое неоднократно, казалось бы, уже мы подвергали обоснованной совершенно критике, оно здесь опять прозвучало. Вот это наделение адвокатского опроса фактически функциями доказательства. Какое доказательство? Иные документы.

Ну, помимо того, что неоднократно я грешный говорил: мы открываем ящик Пандоры, потому что вот эта как раз дверь открывается для чего? Для того чтобы признавались доказательством все эти явки с повинной, чистосердечные признания, всякие справки оперативных органов, которые до сих, извините меня, мы критикуем. Надо понимать прекрасно, что выигрыша здесь соответственно вообще никакого, а проигрыш колоссальный именно для обеспечения прав граждан и, конечно, для защитников, которые, собственно говоря, и защищают права лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Вообще в вопросе показаний давайте ориентироваться на международные стандарты. Ну, я думаю, что это уопомрачение пройдет, и людям, которые говорят, что мы не Европа, и даже высказывают предложения о том, что мы вышли из-под юрисдикции Европейского суда, наверно, станет стыдно за свои высказывания.

Какие стандарты, которые, кстати, Верховный Суд, что прочим подтверждает, для показаний, Европейский суд говорит о том, что эти показания носят личный характер, и должно быть обеспечено их непосредственное восприятие сторонами и судом с возможностью перекрестного допроса.

Вот эти предложения заменить бумажкой, извините, исследования в гласном созидательном процессе, вот эти некие рецидивы понимания некого в процессе инквизиционного. Я с сошлюсь... потому что я по этому вопросу только специально подготовился, смотрите, вот дело Баленко против России. Это 11 октября 2011 года. Существо вот какое. Задержали человека-рецидивиста, возникла свалка в машине, когда его доставляли. Соответственно, там он был с повреждением, с повреждениями был один из оперативников, который его доставлял. Дальше было исследование доказательств, соответственно была

проверка. Но было два человека, которые находились в этой машине. Эти два человека не были допрошены. И вот Баленко обратилась, его родственники обратились, он умер, что в данном случае было нарушение, и указывали, знаете, на что? Указывали на то, что адвокат получил их письменные показания, но найти их не могли. И там были упреки от Правительства, адвокат-то, он хотя бы указал бы, где они, но на адвокате не лежит такая обязанность. И вот соответственно Европейский суд в данном случае жалобу Баленко не удовлетворил и указал, что эти некие документы, так называемые, составленные адвокатом, они не могут заменить этот состязательный характер, перекрестный допрос, исследования личных доказательств, которые являются.

Кстати сказать, по делу Матыцина против России, это вообще будет очень интересно, коллеги, для вас, кто не знаком. Европейский суд признал, он сказал, что доказательством в деле является не заключение эксперта, а его показания, его допрос с возможностью, соответственно, сторон задавать ему вопросы.

Ну и говорю относительно предложений, которые здесь не прозвучали, но они есть в тех материалах, которые предъявлены. Очень интересно.

Предлагается... это нуждается соответственно в изучении, проверке, готовыми к тому... есть такое предложение от адвокатов, чтобы все следственные действия фиксировались на видео. Я считаю, это забегание вперед. Но интересно "Салихов против России", Европейский суд тоже с увеличением некоторых ситуаций прецедента, он пересматривает некоторые свои позиции. Он, например, по делу "Салихов против России", там какая ситуация была? Заявление об изнасиловании. Обвиняемый говорил о том, что никакого изнасилования между нами не было, а было добровольное согласие. Затем была допрошена потерпевшая на предварительном следствии, а дальше ее убили вне связи с этим делом, абсолютно доказано.

И вот дальше, соответственно, была жалоба от него, что только на основании ее показаний, которые были оглашены в судебном заседании, его осудили. И вот эту жалобу Европейский суд удовлетворил и написал очень интересно, что поскольку эти показания на предварительном следствии не были зафиксированы на видео, у сторон и у суда не было возможности лично убедиться в достоверности этих показаний. Это небольшой отход Европейского суда от прежней позиции. Они говорят, что обязательно очная ставка должна была быть. Но видите, какой гибкий подход, понимаете, да?

Ну и, наконец, в данном случае, поскольку сидит Юрий Михайлович мой друг, не надо ссылаться здесь на дело Миравшили, по которому Европейский суд принял эти протоколы опросов. Дело Миравшили уникально, исключительно, потому что все свидетели были за рубежом, их нельзя было доставить. И правильно суд рассудил на основе, извините меня, противоречивых показаний людей, которые от этого отказались, нельзя было осуждать.

Ну и последнее. Нам нужно проявлять разумность определенную в наших предложениях. Ну и проиллюстрирую я это тем предложением, которое есть, о том, что обязать суды удовлетворять все ходатайства адвокатов о допросе свидетелей. Ну, дорогие мои, мы же прекрасно понимаем вообще, что если те свидетели, которые были допрошены на предварительном следствии, то понятно – предложение к обвинительному заключению, обязаны вызывать. Но дальше, извините меня, я могу вам сказать, адвокат может вообще не допустить рассмотрения дела. Он может заявить ходатайство там, не знаю, взвод или рота что-то наблюдала, и он дает ходатайство: всех допросите, извините меня. Так что, здесь просто не устранить какой-то разумной дискреции.

К чему я, собственно, призываю, коллеги? Мы видим, что дверь для нас открыта, и все наши предложения изучаются, и те, которые носят, безусловно, фундированное, обоснованное, они принимаются, и они кладутся в основу законопроектов. Но нам все-таки надо быть более профессиональными, и уж, наверно, то, что первое придет в голову, не размышляя, системно о природе уголовного процесса, о принципах, которые заложены в их основу, наверно, все-таки выдвигать не стоит. Спасибо.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, Генри Маркович.

Андрей Александрович.

А.А. КЛИШАС

Константин Эдуардович, я буквально займу пару минут. Я опять прошу прощения, что я так поздно появился. У нас начинается сессия, и накладываются некоторые мероприятия одно на другое.

Я про другое скажу, Генри Маркович, Константин Эдуардович использует, это теория малых дел, но поверьте, уничижение нам несвойственно нисколько.

Г.М. РЕЗНИК

Нет, немножко. Константин Эдуардович прав.

А.А. КЛИШАС

Он это имеет в виду по сравнению с задачей – переписать всё процессуальное законодательство, только в этом смысле. Понимаете, он никоим образом тут... об уничтожении речь не идет.

Если уже серьезно... Мы, безусловно, всем благодарны, и Федеральной палате адвокатов благодарны. Я думаю, что мы видим, что после нашей встречи в Петербурге, Генри Маркович, мы как бы продвинулись по многим вопросам, и подготовили предложения определенные, вносили законы. И сопротивление есть существенное, причем, знаете, оно, может быть, даже... я ни у кого не увижу какого-то злого умысла, когда сопротивляются, Правительство пишет отрицательное заключение. Интересы разные объективно. Иногда люди просто не хотят пойти навстречу или встать на точку зрения другой стороны. И Вы справедливо говорите, какая-то разумность, она всегда должна присутствовать. Мы как-то стараемся находить компромиссы, когда те же самые предложения, о которых я знаю, Константин Эдуардович упоминал, готовим.

Поэтому дыр, о которых мы говорим, их, безусловно, очень много. Но я почему всегда приглашаю, и мне очень важно, чтобы приходили как бы и теоретики и профессора, потому что все эти дыры образуются из-за того, что у нас какие-то разные совершенно взаимоисключающие концепции постоянно закладываются в уголовный процесс и в тот же самый кодекс. Мы не понимаем, на чьей стороне следователь, что он собирает, то ли объективную истину ищет, то ли он на стороне обвинения находится.

Г.М. РЕЗНИК

Он доказывает.

А.А. КЛИШАС

Понятно. Да, разные представления. У всех сторон тоже возникают из этого такие дезориентации, которые происходят в пространстве. Я хочу сказать, что когда мы обсуждаем те же самые проблемы, которые ставятся на таких мероприятиях, с Председателем Верховного Суда, очень конструктивный подход. И, наверно, это постановление Пленума, которое прошлогоднее, оно является одним из таких примеров.

Председатель коллегии по уголовным делам Давыдов, человек очень конструктивно настроен по многим вопросам, которые мы перед ним ставим.

И что еще важно? Опять же сегодня этот момент я хочу отметить. Генри Маркович, знаю, Вы со мной согласитесь, помня Питер, что не всегда эти перегибы в практике означают, что нам нужно срочно исправить что-то в кодексе или переписать закон. Всегда это будет. Давайте лучше посмотрим, как этими механизмами более гибкими, те же самые пленумы, исправлять эту ситуацию. Поэтому я всем благодарен действительно. Мы, поверьте, всё, что звучит у нас, и стенограмма есть, и протокол, и рекомендации будут составлены.

Что касается участия общественных организаций, мы всегда это поддерживаем. Кстати, выступали, не вижу сейчас молодого человека в зале, Владимир Валерьевич, у нас со стадии концепции, пожалуйста, приходите на комитет. Когда придет этот законопроект правительственный Минюста, я честно вам скажу, я пока не успел, то есть у меня тоже там выборы в Красноярском крае были, я не успел в это погрузиться, мне позвонили журналисты, когда он появился, этот проект, я сказал, что я честно говорю, я пока не вник до такой степени, чтобы его как-то прокомментировать. Там "за" мы, "против" или нет. Но сейчас они внесут, я знаю, правительственная комиссия вроде его рассмотрела. Они его внесут, и со стадии концепции, пожалуйста, приходите, приводите коллег. Тогда приводите максимальное количество примеров, мы это всё напишем в заключении абсолютно так, как есть.

В данном случае, ну, то, что Правительство это решило одобрить, они тоже свою задачу решают. Поверьте, нет, я уверен, ни у службы исполнения наказаний какого-то умысла злого забить заключенных, ни у Минюста нет. Они пытаются решить свою задачу так, как они могут, как они смогли это сформулировать. Но давайте вместе с ними совершенно спокойно сядем здесь, пригласим из Минюста ответственных людей, замминистра придут, люди, которые отвечают за это, и поговорите с ними здесь. На стадии концепции мы это тоже готовы в Госдуму отправить.

Что касается общественных организаций, тоже, коллеги, нужно просто... понимаете, когда гражданское общество начинает что-то нам выдавать только после того, как я или мои коллеги начинают его трясти, то же самое Общественная палата. В прошлом, я знаю, там был доклад Президенту недавно, когда Президент отмечал основы Общественной палаты, эти инициативы Общественной палатой не реализуются. Я могу из десятков законопроектов общественно значимых пересчитать, буквально пять штук насчитать, по которым мы на самом деле получили заключения Общественной палаты за прошлый год. Ну, просто этого не делают. Мы даже не знаем часто позиций, если сами в Общественную палату не придем, не скажем:

"Слушайте, вы посмотрите вот этот закон, такой будет. Да, это же в ваших интересах", тогда они, может быть, пришлют нам представителя, который принесет некую справку.

Совершенно другая ситуация, например, с Федотовым. Мы с ним часто очень не согласны по многим вопросам, с Михаилом Александровичем, но он всегда готов. Он сам приходит, приходят люди, то есть с ними идет какая-то более живая работа. Я надеюсь, в Общественной палате ситуация сейчас тоже поменяется.

Поэтому спасибо. Поверьте, всё, что сказали, оно не пропадет. И если не сегодня, может быть, завтра это всё ляжет в правильную копилку, и надеюсь, что ситуация в той сфере, которую мы обсуждаем, я вижу, что многие равнодушно очень к этому относятся, она поменяется.

Самое главное, чтобы мы равнодушно к этому и дальше относились. Генри Маркович правильно сказал, это основная наша работа – защита прав и свобод человека. И методы у нас с вами для этого есть разные, в том числе такой механизм, как наш "круглый стол" для того, чтобы мы эти позиции все прояснили.

И Константину Эдуардовичу, конечно, большое спасибо за то, что он промодерировал с Генри Марковичем на пару это мероприятие.

К.Э. ДОБРЫНИН

Спасибо большое, коллеги. Это наше не последнее мероприятие, продолжаем работать.